

ИГОРЬ КАБАРЕТЬЕ

---

# *КОТ С МОНМАРТРА*

---

ИСТОРИЯ ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ



Игорь Кабаретье

**Кот с Монмартра. История  
давно минувших дней**

«Издательские решения»

## **Кабаретье И.**

Кот с Монмартра. История давно минувших дней /  
И. Кабаретье — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854228-2

Действие детективной повести «Кот с Монмартра» происходит в 19 веке во Франции, в Париже. Главный герой, модный художник Поль Амьен, случайно оказывается пассажиром омнибуса, в котором загадочным образом умерла молодая девушка. Полиция полагает, что смерть девушки, личность которой они не смогли установить, произошла естественным образом, от аневризмы, но у Амьена возникли подозрения, что произошло убийство, и вместе со своим другом Жаком Верро он провёл частное расследование этой смерти.

ISBN 978-5-44-854228-2

© Кабаретье И.  
© Издательские решения

## Содержание

Часть I	6
Часть II	25
Часть III	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

# **Кот с Монмартра История давно минувших дней**

**Игорь Кабаретъе**

© Игорь Кабаретъе, 2024

ISBN 978-5-4485-4228-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Часть I

Вам случалось, вечером, ближе к полуночи, пропускать последний омнибус на линии, которая ведёт напрямик к вашему дому? Если вы не обязаны строго регулировать ваши расходы исходя из вашего скромного бюджета и небольших доходов, то ничто не мешает вам взять фиакр, дабы вскоре оказаться в тёплой постели. Но если, напротив, ваше скромное состояние вам запрещает этот лёгкий экстрим в виде дополнительных расходов на наёмную карету, и вам придётся пешком пересечь весь Париж, барахтаясь в дорожной грязи, иногда под проливным дождём и мокрым снегом, то вы имеете право сто раз по дороге в вашу комнатку недобрым словом помянуть Компанию, эксплуатирующую омнибусы, решившую вдруг предоставить немного отдыха своим лошадям и служащим.

Есть несколько способов пропустить её, эту благословенную карету, главную надежду запоздавших пассажиров.

Когда мы нетерпеливо и смиренно ожидаем этот омнибус, и едва завидев его, направляем кучеру умоляющие, но в большинстве своём безуспешные знаки, призывающие остановиться, лишь только потом замечаем написанные прописью белым на голубой основе с красной каймой слова: «Мест нет» или «В Депо», и начинаем закипать гневом... бешенство заливают наши глаза, но, в конце концов, состояние это длится недолго, бешенство уступает место состоянию безнадёжности и обречённости, и уже с добрым сердцем человека, которому походя наплевали на его достоинство, мы продолжаем брести по унылым улицам пожирающего душу ничтожного пешехода огромного города. И в глубине души мы продолжаем смутно надеяться, что по дороге домой нас настигнет ещё один омнибус компании, который мы только что проклинали последними словами, и поддержанные этой иллюзией мы пешком доходим до нашего дома, не слишком замечая усталость, начинающую крепко прихватывать все наши чресла.

Но хуже всего прийти к станции, от которой отправляется последний омнибус, а кассир вам говорит, ехидно улыбаясь уголками глаз, что все билеты проданы и свободных мест нет. Вы начинаете заискивать перед этим служкой, который в этот момент кажется вам посланником божьим, молить его о милости... а может быть найдётся хоть одно местечко... может быть это не последний омнибус и вскоре отправится ещё один?

— Ни в коем случае, — отвечает насмешливо кассир, — билетов нет, омнибус последний, а пассажиры омнибуса, уже сидящие на своих местах, откровенно посмеиваются вам в лицо, когда вы вежливо спрашиваете их, не видят ли они хоть одного маленького свободного местечка в салоне тёплого омнибуса.

Решение является окончательным. Приговор вынесен, и все ждут его исполнения. Ведь у вас нет никаких других способов передвижения и доставки вашей персоны к вашему дому, кроме ваших собственных ног, и они должны будут донести вас к месту назначения, потому что у вас не осталось ни малейшей надежды поймать по дороге этот треклятый омнибус, к которому вы только что летели со всех ног.

Таким вот образом, однажды поздним вечером этой зимой, без четверти до полуночи, на углу бульвара Сен-Жермен и Рю дю Кардинал-Лемоан, в тот самый момент, когда кондуктор омнибуса, следующего до овощного рынка на площадь Пигаль поднялся на своё место, в салон, запыхавшись, вошла прилично одетая женщина, ещё довольно молодая, насколько можно было

судить, несмотря на сумерки и плотную вуаль, скрывавшую её лицо. Она пришла со стороны Ботанического сада, по набережной Санкт-Бернар, и должно быть, бежала к омнибусу достаточно долго, потому что никак не могла восстановить дыхание, и испытывала вследствие этого проблемы с артикуляцией, так как стала запыхавшись в голосе отвечать на вопросы подошедшего к ней работника, ответственного за отправление омнибуса.

– Всё, мадам, омнибус полон, мест нет, и ничего нельзя придумать, – предупредил её вопрос кондуктор, который был в это время занят заполнением путевого листа.

– Ах! Боже мой, – прошептала она, – мне что, пешком идти на Монмартр! Я никогда не смогу этого сделать.

И в самом деле, в этот час и в это время года, путешествие пешком длиной в четыре-пять километров вполне могло испугать персону, принадлежащую к слабому полу.

Это был сухой холодный вечер, и Мистраль, северный ветер, из Сибири, как говорят парижане, делал его ещё более пронизывающим, пробирающим до костей. Редкие снежинки начинали падать из темноты. Улицы этого квартала были пустынные. Ни одного прохожего на широких тротуарах, ни одного фиакра на горизонте.

Внутри омнибус был, на первый взгляд, заполнен битком, но никто не посмел продемонстрировать свою храбрость и подняться при такой температуре на открытые места на крыше, на империал, где за три су можно было, без всякого сомнения, не только доехать до места назначения, но и непременно поймать простуду и к концу поездки уверенно шмыгать носом.

Женщина подняла глаза на эти места на открытом воздухе, и стало понятно, какое острое желание попасть на этот последний рейс омнибуса владело ею, так как жест отчаяния и возглас, вырвавшийся из её горла, ясно свидетельствовали о том, на сколь она сожалеет, что не в состоянии физически, будучи женщиной, подняться на крышу, несмотря на ветер и мороз.

Затем, прекрасно, по-видимому зная, что это восхождение на империал не позволено дамам и запрещено инструкцией по пользованию омнибусом, она заглянула в длинный салон омнибуса, где не было ни одного свободного места для неё. Без сомнения, в глубине души она до сих пор не отчаялась найти выход из сложившейся ситуации и рассчитывала на то, что ей удастся разжалобить своим положением и видом какого-нибудь галантного кавалера-пассажира, который уступил бы ей своё место.

Это был очень слабый шанс, так как в салоне омнибуса в основном сидели пассажирки, а женщины не охотно расстаются со своими привилегиями, да ещё ради другой женщины, и в особенности, привлекательной.

Тем не менее неожиданное счастье вдруг заинтересовалось судьбой этой женщины.

Господин, сидевший в задней части салона, вскочил со своего места и стал пробираться к выходу.

– Поднимайтесь в салон, мадам, – сказал он, проворно прыгая на тротуар.

– О! Месье, вы слишком добры, и я не хочу злоупотреблять вашей любезностью, – воскликнула дама.

– Ничуть! Абсолютно нет! Не опасайтесь ничего. Я собираюсь пристроиться наверху. Конечно, там не жарко, но у меня дубовая кожа.

– Месье, я даже не знаю, как я могу вас отблагодарить.

– Не за что. Не стоит труда.

– Проходите, мадам, не задерживайте, пожалуйста рейс, – строго сказал служащий компании омнибусов, – мы отправляемся.

Дама была уже одной ногой на ступеньке лестницы, и отнюдь не имела желания задерживать рейс, в чем её только что упрекнули, и не заставляя больше себя упрашивать, она, вместо того, чтобы опереться на руку кондуктора, чтобы подняться в салон, согласилась взять себе в помощники руку, которую ей любезно предложил господин, оказавший ей только что бесценную в этих обстоятельствах услугу, предложив своё место в салоне омнибуса.

Она вложила свою ладонь в его руку, и задержала её там, возможно, на несколько секунд сверх того, что было необходимо, *comme il faut*.

Это было самое большее, что она могла сделать для столь галантного господина в таких обстоятельствах, и в этом контакте не было ничего компрометирующего, так как у них обоих на руках были перчатки, кожаные, подбитые мехом перчатки, толщина которых была подобна защите кирасиров на зимнем переходе.

Господин, который уступил только что даме своё место, был, между тем, ни очень красив, ни очень молод.

На вид ему можно было дать лет сорок и даже больше. Его усы и седоватые бакенбарды были по-военному, очень коротко пострижены. На нем было пальто, которое должно было быть куплено в какой-то дешёвой лавке, берущей заказы на шитье у низшего класса, и широкополая шляпа из твёрдого войлока, неспособная принимать модные формы.

Он, впрочем, имел довольно правильные, как будто вырубленные топором, черты лица.

Этот, возможно, военный в отставке, со значительной ловкостью поднялся на пассажирские места на крыше, на империал, и сел на скамейку у входа, на первом сиденье, рядом с подножкой, которая служит для того, чтобы спускаться вниз.

В то время, когда он располагался там, поднимая воротник своего пальто, дама, которой он так запросто уступил своё место, уже занимала его сиденье в задней части тёплого салона омнибуса, между старухой, покрытой шерстяной накидкой с капюшоном и молодой женщиной, очень просто одетой.

Чуть дальше, у окна, сидела огромных размеров кумушка, с которой, по совести говоря, требовалось бы брать двойную плату за билет, так как она буквально выталкивала с места своего соседа слева.



Напротив сидел мужчина, вернее юноша, стройный смуглый юноша, с яркими блестящими глазами и улыбающимся ртом, головой настоящего художника, но художника приезжего, потому что одежда его не была неряшливой, а вид турбулентным, кой присущ парижской богеме после набега на окрестные забегаловки за пределами кольцевой дороги.

Другие пассажиры полностью соответствовали облику завсегдатаев местного омнибуса: буржуазия, возвращающаяся домой после вечера, проведённого с родственниками, проживающими по другую сторону Парижа, мамы с детьми в пелёнках, работники мануфактур после вечерней смены, думающие лишь об одном-как бы побыстрее забыться глубоким сном, едва ступив на порог своих лачуг.

Тяжёлый омнибус начал движение, прозвонив серебряным колокольчиком, и кондуктор потребовал денег, после чего пассажиры стали передавать ему монеты из рук в руки.

Смуглый юноша не упустил свой шанс и воспользовавшись этой возможностью, начал рассматривать своих попутчиков.

Он решил, что всего лишь два персонажа достойны его внимания, чтобы задуматься над их поступками и личностями, и одна из них, это та, что располагалась vis-à-vis по отношению к нему, и не упустил ничего из небольшой сцены, которая предшествовала отправлению омнибуса, и надо отдать ему должное, он и сам был готов предложить своё место незнакомке, но мужчина в круглой шляпе оказался проворнее. Юноша также не упустил из вида рукопожатия, которым обменялись между собой дама и любезный господин, почивший на лаврах успеха своей акции в ветреном империале. Он сказал себе, что это было, пожалуй, лишь начало приключения, и если он не надеялся увидеть развязку этой истории, то обещал себе, по крайней мере не пропустить инциденты и казусы, которые могли возникнуть во время поездки.

Ему уже казалось, что эти две персоны сей передвижной комедии вполне соответствуют друг другу и на самом деле являются парой, знакомой ранее. Хотя женщина, которая казалось, несколько слишком быстро, чем того требуют приличия, согласилась на предложение незнакомца и стала формально обязанной ему, явно занимала не то же самое положение в обществе, что её рыцарь, хотя бы потому, что её платье было почти элегантно в отличие от костюма её кавалера.

Она, казалось, была хорошо сложена, и её глаза сверкали сквозь вуаль, которую она не удосужилась поднять на свои каштановые волосы.

Этого было более чем достаточно для того, чтобы любой пытливый исследователь более внимательно занялся этой парой, а молодой человек, который, приоткроем вам не самую большую тайну, был художником, сидя непосредственно перед этой таинственной личностью, был по природе свой любопытен.

Он разделил своё внимание между завуалированной дамой и молодой девушкой, сидящей рядом с ней, и сумел увидеть под нижней кромкой вуали, прикреплённой к коричневой бархатной шапочке девушки, нижнюю часть её лица, подбородок с ямочкой, и немного крупный рот, но с очень чистой графикой, и бледные щеки... матовой бледности.

Черты лица испанки, – говорил себе художник. – Я уверен, что она прелестна. Жаль, что холод помешал ей показать кончик её носа! Сейчас у женщин просто какая-то мания-как только столбик термометра опустится чуть ниже, они начинают скрывать своё лицо, и чтобы встретить красивую мордашку, нужно ждать лета. К тому же, если бы хотя бы было хоть чуть-чуть светлее в этом чёртовом омнибусе... но нет, один из фонарей погашен, и другой тлеет, как бумажный фонарик, в котором закончилось масло. Не видно ни зги. Мы в какой-то пещере на колёсах. Если здесь сейчас совершат преступление, этого никто даже не заметит...»

Продолжая наблюдать, смуглый юноша пришел к выводу, что девушка не должна была быть богатой.

Она была одета, и это в середине января, в короткое манто без рукавов... то, что обычно одевают, отправляясь в гости осенними вечерами, но из столь тонкой чёрной и уже заношенной ткани, что можно было замёрзнуть лишь от одного взгляда на него, платье из альпаги, цвета коринки, которое длительное употребление сделало блестящим и лоснящимся, и она скрывала свои руки в куцей и ошипанной муфте... муфте, которая должно быть была некогда куплена для маленькой девочки в возрасте двенадцати лет.

«Кто она такая? Откуда она пришла? Куда едет? – спрашивал себя молодой человек. – И почему её соседка посматривает на нее украдкой? Она что, знает её? Нет, иначе она бы с ней заговорила.»

Между тем, омнибус наконец-то двинулся вперёд. Он теперь катился по Новому мосту, и кучер, который спешил побыстрее закончить свой трудовой день, бросил своих лошадей крупной рысью на склон, который спускается к набережной Лувра.

Средства передвижения общественного транспорта не подвешены на рессорах также любовно и тщательно, как частные коляски с восемью пружинами, и это поспешное движение имело следствием сильную тряску пассажиров.

Молодую девушку на ухабе бросило со всей силы на соседку, и уцепившись за её руку, она испустила слабый крик, за которым последовал глубокий вздох.

– Обопритесь на меня, если вы больны, мадемуазель, – громко произнесла дама из под вуали.

Она не ответила, но позволила себе оставить свою голову на плече сочувствующей ей дамы, предложившей ей столь своевременную поддержку.

– Этой молодой даме кажется стало плохо, – воскликнул смуглолицый юноша. – Надо бы попросить кондуктора остановить омнибус... пойду ка я...

– О, нет, месье, она спит, – спокойно сказала окутанная вуалью дама.

– Прошу прощения! Я подумал...

– Девушка уже спала, когда толчки её внезапно разбудили. Но она тут же снова заснула. Давайте позволим ей отдохнуть.

– На вас, мадам?! Вы не опасаетесь...

– Что она меня утомит? О! Ничуть. И она не упадёт, я за это отвечаю, так как я её поддерживаю, – ответила дама, обвив свою правую руку вокруг спящей девушки.

Смуглый юноша слегка наклонил голову, не настаивая. Он был хорошо воспитан, и решил, что уже и так сделал слишком много, вмешиваясь в то, что его не касается.

– Что за молодёжь пошла, право неловко и жаль, – пробормотала толстая женщина в шапке. – Что касается меня, то я толкала свою тележку всю ночь, чтобы продать апельсины, и, если бы требовалось, я бы сейчас спокойно поднялась на вершину Монмартра. Ах! Я бы отправилась танцевать в Буль Нуар, а не спала бы, как старушка. Но вернуться в такое время домой к маме, дудки, как бы не так, ни за что! Сейчас уже таких девушек, как в мои годы, больше нет. Не та нынче молодёжь пошла!

И она погрузилась в свои мысли и, по видимому, в воспоминания. Девушка, которую они обсуждали, не двигалась. Плечо соседки было вполне очевидно использовано ею в качестве подушки, и она делала вид, что ничего не слышит, а художник, сидя перед ними, ничего не сказал, хотя у него чесался язык отпустить толстой торговке какой-нибудь язвительный комментарий по поводу словоблудия в отношении его поколения.

Он вновь принялся наблюдать за ними, и почти умилился, видя, как дама в вуали нежно взяла обнажённые бледные руки спящей девушки и поместила их в её узкую муфту, которую бедная девушка подвесила к своей шее, как монахиня ордена францисканцев, на витом шну- рочке.

«... Мать не будет заботиться о своём ребёнке лучше, чем моя попутчица, – подумал юноша, – а я поначалу принял эту превосходную женщину за искательницу приключений! Почему? Мне это интересно проанализировать... Неужели только потому, что она приняла предложение джентльмена занять его место, и потому что она поблагодарила его, позволив пожать кончики своих пальцев. Но... это был просто жест вежливости, результатом которого для галантного кавалера будет... вполне возможно, в лучшем случае пневмония, потому что наверху в империале в такую погоду есть все возможности для того, чтобы все себе отморозить и заморозить себя до смерти.»

«... Мне все равно, по большому счёту, умрёт этот пассажир в империале, или нет, но я бы хотел увидеть всю фигуру девушки, которая спит таким глубоким сном. Внизу её ноги выглядят совершенными. Она, должно быть, не купается в золоте, эта малышка, судя по её одежде, и я уверен, что она охотно согласилась бы позировать мне.»

«... Если она выйдет на какой-нибудь остановке по пути, я не стану её преследовать, но если она выйдет на конечной и пойдёт к площади Пигаль, я пойду за ней и попробую её уговорить дать мне несколько сеансов.»

«... Буду надеяться, что она откроет глаза до конца поездки.»

Во время этих лихорадочных размышлений омнибус двигался быстрее поезда, стараясь, кажется, посрамить самые резвые фиакры. Два крупных мощных вороных першерона которые его тащили, обгоняли все кареты и повозки, что попались им на пути. Они разгонялись бы

ещё быстрее, если бы время от времени какой-нибудь пассажир не дёргал за шнур с просьбой остановиться, чтобы выйти.

На площади возле биржи произошло большое изменение. Три женщины, сидевшие впереди возле выхода, вышли из омнибуса и их сменила буржуазная семья, отец, мать и маленький мальчик. Но пассажиры в глубине салона не двигались.

Девушка все ещё спала, опираясь на свою милосердную соседку, да и торговка апельсинами, наконец-то, задремала. Других женщин тоже сморил сон, так что после остановки на станции Шатодюн, последней перед конечной, когда упряжка омнибуса, усиленная третьей лошадью, стала взбираться вверх по набережной улицы Мучеников, салон омнибуса походил на дортуар в монастыре.

Массивная карета катила, как корабль, потряхиваемый волнами, нежно убаюкивая своих пассажиров, и постепенно почти все они позволили себе закрыть глаза и задремать.

Лишь один только художник продолжал сидеть, выпрямившись, как истукан, и бодрствовал.

Кондуктор следовал пешком рядом с омнибусом, чтобы размять ноги, а кучер размахивал кнутом, чтобы согреться.

В последней трети подъёма, толстая торговка-сплетница проснулась и сразу же принялась кричать, что хочет сойти.

В этом месте не так легко остановиться, потому что подъем является настолько крутым, что лошади начинали скользить, едва только они прекращали движение. Дамы, которые хотят сойти до достижения верхней части подъёма, должны обращаться за помощью к кондуктору.

Тучная женщина так и сделала, продолжая роптать и бормотать неблагодарные слова в адрес этого прекрасного сотрудника транспортной компании, который не достаточно быстро, по её мнению, попал в её объятия, чтобы вытащить из салона. Она бросилась к выходу, безжалостно давя пальцы своих соседей и, как только она попала на тротуар, немедленно закричала, что сошла слишком рано, и ей нужно ещё подъехать до проспекта Трюден, так как она ночует на шоссе Клинянкур, и ещё сотню других упрёков, которые, однако, никого не разбудили и не взволновали.

Тем не менее, торговка решила, наконец-то, перенести своё тело к пункту назначения пешком, и омнибус продолжил своё восхождение наверх, которое, впрочем, уже подходило к концу.

В это время художника, который постоянно размышлял о двух женщинах, сидящих перед ним, вдруг вывел из задумчивости голос с верхней палубы, с империи... звук трёх ударов каблуком, три последовательных удара, отделённых друг от друга небольшим интервалом, и затем последовал ещё один энергичный удар.

– Ба! – сказал он про себя, – пассажир на крыше, который умеет так стучать каблуками, должен быть опытным армейским офицером. Такие па делает, обычно, учитель фехтования. Кажется, что он все ещё там. Даже несколько градусов ниже нуля не сумели заставить его

покинуть свой пост. Ах! Нет, по видимому он решил, что с него достаточно, так как решил спуститься.

Действительно, сапоги, которые только что произвели такой выразительный стук, появились на подножке наружной лестницы с крыши, за ними последовали ноги, затем туловище и, наконец, мужчина, бросив быстрый взгляд в глубь омнибуса, прыгнул на тротуар. Художник, который наблюдал за его движениями, увидел, как он быстрым шагом скрылся вдали на углу улицы де ла Тур де Оверни.

– Итак! – думал он, – у этого доброго мужчины, обутого в такие тяжёлые сапоги, совсем нет тех намерений, которые я ему приписывал. Мне казалось, что он будет ждать на выходе даму, которая заняла его место, и попытается заставить её принять вновь его помощь и пожать руку. Вовсе нет. Он спокойно уходит совсем один. Он прав, потому что эта дама кажется совсем не расположенной знакомиться с господами такого типа.»

Когда он произносил про себя такую мудрую речь, омнибус достиг точки, где улица Мучеников пересекает две другие улицы, достаточно оживлённые: улицу Лаваль, слева, и Рю Кондорсе, справа.

На этом месте омнибус всегда останавливается для того, чтобы кучер подтянул лошадиную упряжь, а также потому, что в этой точке маршрута частенько бывает, что омнибус опустошается. Пассажиры, и особенно пассажирки, спускаются в массовом порядке.

И в тот вечер все было как обычно. Почти все одновременно встали и сразу же наперегонки направились к выходу.

Исход был настолько массовым, что после него в салоне остался только смуглолицый художник и две женщины, сидящие перед ним.

Тем не менее, та, которая поддерживала спящую, тоже собиралась покинуть омнибус.

– Месье, – сказала она быстро, – это бедное дитя, которое полагается на меня, чтобы спать столь хорошим сном... я бы корила себя, если бы разбудила её... а мне уже нужно выходить... Я живу здесь недалеко и уже поздно... Могу ли я попросить вас заменить меня, и принять из моих рук обязанности в качестве временного алтаря для этой уставшей девушки?

– С большим удовольствием, – ответил молодой человек, садясь на место рядом со спящей девушкой, которое только что покинула тучная торговка апельсинами.

– Подождите немного, прошу вас, – воскликнула милосердная дама, обращаясь к кондуктору омнибуса, который уже собирался подать сигнал отправления.

В то же самое время она приподняла, с бесконечными предосторожностями, голову девушки, которая лежала у нее на плече, и осторожно положила её на плечо темноволосого художника, уже приготовившегося принять её.

Спящая позволяла проделывать с собой эти манипуляции, не подавая никаких признаков жизни, и позволила попасть своему телу и голове буквально в объятия своего нового соседа, который нежно обхватил её за талию.

– Благодарю вас, месье, – сказала завуалированная дама. – Мне стоило бы труда оставить её одну, но раз вы следуете до конечной остановки, я спокойно могу уйти. Если бы вы могли проводить мадемуазель до двери дома, где она живёт, вы бы, конечно, сделали доброе дело, так как в это время суток этот квартал опасен для молодой одинокой девушки.

И, не дожидаясь ответа своего сменщика на благородном посту доброго самаритянина, она быстро выскользнула из омнибуса, который только что остановился на улице Лаваль. Кондуктор склонился в углу, у входа в карету, возле счётчика, проверяя в мерцающем свете уличных газовых фонарей последние цифры его баланса.

Художник, таким образом, остался один-на-один с красивой спящей девушкой, и никто не мешал ему с присущей ему вкрадчивостью и мягкостью в голосе попросить незнакомку о сессии для создания её портрета, но чтобы сделать это, следовало для начала разбудить её, и он хотел сделать это как можно более нежно.

Юноша тихо прижал девушку к своей груди, надеясь, что, немного приласкав её, ему удастся вывести спящую красавицу из состояния оцепенения.

Он ошибался. Напрасно он задерживал немного больше положенного свою руку на теле этой молодой девушки, как будто невольно касаясь её упругой груди, но будущая модель, которая, по идее, не должна была позволять в отношении себя такие откровенно нескромные объятия, и должна была возмутиться и уйти. Никак не реагировала на такую вольность. Тогда в голову художника пришла идея, что эта умная девушка отнюдь не спала, а лишь прикидывалась спящей, и хотела довести ситуацию до того момента, когда он уже будет обязан ей... и может быть деньгами.

Он был уже опытным парижанином, имел опыт и чутье. Поэтому вряд ли верил в добродетель барышень, которые в одиночестве поднимаются в полночь в омнибус, чтобы отправиться в столь поздний час на Монмартр.

Ему захотелось узнать наконец, без обиняков, чего ему ожидать от этой девушки, и он наклонился немного, чтобы рассмотреть с близкого расстояния лицо этой столь упорно спящей девушки, но единственный фонарь в салоне, который агонизировал с самого начала поездки и в этот момент, наконец, окончательно потух, и интерьер омнибуса погрузился в полную темноту.

Юноша нагнулся, чтобы прикоснуться к лицу девушки, и наконец увидел, что она была бледная, как алебастр, и не было заметно никакого дыхания из её приоткрытого рта.

Художник вытащил одну из её рук, которые до этого оставались в муфте, и обнаружил, что эта рука была ледяной.

– Она упала в обморок, – прошептал он. – и нуждается в помощи.

И юноша тут же позвал кондуктора, который ответил равнодушным голосом:

– Мы уже почти вокзале. Не стоит останавливаться из-за такой малости.

И в самом деле, ведомые кучером, грезящим о тёплой постели и мягкой жёнушке, лошади, мечтающие о стойле и мешке овса, резко прибавили и омнибус в одно мгновение достиг площади Пигаль.

Молодой человек, испугавшись, пытался поднять несчастного ребёнка, который рухнул в его объятия, но она сползала с его рук назад, абсолютно инертная, и только тогда он понял, что жизнь навсегда покинула это бедное тело.

– Вот мы и прибыли, месье, – сказал кондуктор, который принял их за двух влюблённых. – Очень жаль будить вашу даму. Но мы не следуем дальше. Это конечная. Вы должны спуститься... если только ваша дама не захочет спать в омнибусе.

– В могиле она будет спать, – закричал ему в ответ смуглый красавец. – Разве вы не видите, что она мертва?

– Хорошо! Я понимаю, что вы шутите, чтобы развлечься... для собственного удовольствия. Но тогда, правда, вам следует знать, что это не очень удачная шутка. Она не принесёт вам счастья. Никогда нельзя шутить со смертью!

– Я и не собирался шутить. Я вам ещё раз повторяю, что эта женщина холодна, как мрамор, и что она не дышит. Подойдите ко мне и помогите мне её вытащить из омнибуса. Я не в состоянии это сделать один.

– Она не должна быть однако, судя по её виду, тяжёлой... Хорошо, если она заболела, я вам помогу, ведь мы не можем оставить её здесь, конечно.

На этом глубокомысленном умозаключении, кондуктор неохотно решил подняться в салон, где смуглый художник делал все возможное, чтобы удержать на руках тело несчастной девушки. Сотрудник транспортной компании также вошёл в омнибус, и втроём им не составило никакого труда вынести это хрупкое тело. Зал ожидания вокзала ещё не был закрыт. Они внесли девушку внутрь и положили её на скамью, после чего молодой человек поднял дрожащей руку вуаль, которая скрывала половину лица мёртвой девушки.

Она была удивительно красива-настоящее лицо Богородицы кисти Рафаэля. В её больших черных глазах больше не было пламени, но они были открыты, и в них застыло выражение невыразимой боли. Она должна была ужасно страдать перед смертью.

– Это правда, что она выглядит неважно, – пробормотал кондуктор, – Что, она действительно умерла?

– Да, и прямо во время поездки! И вы этого не заметили? – воскликнул сотрудник транспортной компании, который присоединился к ним в это время.

– Нет, да и господин, который сидел рядом с ней, ничего не увидел. Она не падала... держалась на сиденье... только не дышала. Это странно... но это так.

– Внезапный прилив крови, может быть... или что-то сломалось в её груди.

– Я думаю, что её убили, – сказал смуглый художник.

– Убили! – машинально повторил кондуктор, – О! Нет, это невозможно, на ней нет ни одной капли крови.

– И потом, – добавил сотрудник компании, – если бы её кто-то убил в омнибусе, другие пассажиры бы это легко заметили... увидели.

– Ей от силы лет восемнадцать... Это максимум. В этом возрасте не умирают так внезапно, – сказал молодой человек.

– Вы доктор?

– Нет, но...

– Ну, тогда, вы знаете не больше нашего. И вместо того, чтобы бросаться такими фразами, вы должны пойти позвать полицейских. Мы не можем держать мёртвое тело на вокзале. А вот и полицейские... легки на помине.

Действительно, два стража порядка в это время заворачивали в их сторону с бульвара, двигаясь по тротуару размеренным шагом. Кондуктор позвал их, и они пошли к ним без особой спешки, потому что вряд ли подозревали, что дело того стоило. И когда они увидели, о чем шла речь, это их тоже не сильно взволновало. Они переговорили с кондуктором, и старший из них по званию вполне серьёзно сказал, что такие несчастные случаи здесь не редкость.

– Но этот месье утверждает, что её убили в омнибусе, – сказал мужчина в фуражке с гербом, на котором была пропечатана большая буква О, заглавная буква названия компании омнибусов.

– Я ничего не утверждаю, – ответил смуглолицый художник. – Я только сказал, что смерть её выглядит более чем необычно. Я весь рейс сидел перед этой бедной девушкой, и я...

– Тогда вас завтра вызовут в комиссариат полиции и вы расскажете там все, что вам известно по этому поводу. Назовите мне ваше имя.

– Поль Амьен. Я художник, и я живу в этом большом доме, который вы можете видеть отсюда.

– А... это тот, в котором живут только одни художники. Хорошо! Я его знаю.

– Кроме того, вот моя визитная карточка.

– Достаточно, месье. Комиссар выслушает вас завтра утром, но вы не вправе оставаться здесь. Мы обязаны закрыть станцию, и мой товарищ должен отправиться в участок, чтобы попросить прислать сюда людей с носилками. К счастью, это будет сделано быстро, поскольку зимой нет времени и возможности сидеть на террасе кафе на площади Пигаль, так что легко найти свободных служащих. Если бы мы оказались в такой ситуации летом, здесь бы уже в дверь ломилась целая толпа народу.



Этот старый солдат говорил так уверенно, что можно было не сомневаться, что у него уже имеется большой опыт подобных трагических событий, и Поль Амьен начал сомневаться в правильности своих собственных оценок.

Идея о том, что было совершено преступление, пришла к нему не понятно почему, и он вынужден был признать, что факты совершенно противоречат его утверждениям.

Тело девушки не имело никакого очевидного повреждения, а во время поездки он не видел ничего, что позволило бы ему предположить, что бедный ребёнок был ранен.

«Решительно, у меня слишком богатое воображение, – сказал он про себя, оставляя пассажирскую станцию, чтобы подчиниться мудрому запрету стража порядка. – Я вижу мистерию, тайну в этой истории, а ведь все могло быть гораздо прозаичней, чем я придумал себе. Какой –нибудь банальный случай, что сотнями происходят ежедневно. У этой девушки вполне могло быть заболевание сердца... разрыв аневризмы, сразивший её, как удар молнией. Это ужасно и несправедливо, что такая нелепая смерть настигла такую прекрасную и молодую девушку, но я ничего не мог поделать, и мне не стоит тратить своё время на безосновательные домыслы. Я должен закончить картину для Художественного Салона, а не тратить свои усилия на бессмысленные размышления. Хватит того, что я сам напросился на допрос к офицеру полиции, которому я не могу сообщить ничего серьёзного, и который, скорее всего, будет смеяться над моими причудливыми идеями, если я вдруг начну ему рассказывать о возможном убийстве, совершенном... Кем, черт возьми?... Этой благородной дамой, которую я заменил на её месте на углу улицы де Лаваль... и как?... без сомнения, своим ядовитым дыханием... абсурд... но жизнь не может погаснуть, как свеча.»

Служащий уже закрывал ставни окон станции, а младший из полицейских побежал искать мужчин, чтобы перенести тело. Другой полицейский встал перед дверьми станции, чтобы не пускать внутрь любопытных, если таковые объявятся. Кондуктор словоохотливо, взахлёб, рассказывал ему, как он первый заметил, что девушка была больна. Кучер остался в своём кресле, с большим трудом сдерживая лошадей, мечтающих о стойле в конюшне с мешком овса.

– Вы больше не нуждаетесь во мне? – спросил Амьен.

И так как страж порядка жестом показал ему, что нет, он отправился к своему дому, который был неподалёку. Но не успел он сделать и трёх шагов, как вспомнил, что забыл свою трость в омнибусе. Это была трость из ротанга, которую ему привёз его друг, морской офицер, из Китая, и он дорожил ею. Омнибус все ещё не уехал. Юноша поднялся в карету, и поскольку в салоне было темно и не видно ни зги, зажёл спичку, чтобы не заниматься поисками наощупь.

Трость закатилась под сиденья, и, наклонившись, чтобы поднять её, он увидел бумагу, тоже, по-видимому, выпавшую из кармана одного из пассажиров, и лежавшую рядом золотую булавку, которую используют женщины, чтобы зафиксировать свои шляпки на волосах.

– Посмотрим! – пробормотал он, – Очевидно, что все это потеряла бедняжка, которая сейчас мёртвая лежит на лавке. И она кое-что оставила мне напоследок.

Поль Амьен взял трость, бумагу и булавку, положил палку под мышку, а бумагу и булавку в карман пальто, после чего проворно спустился из омнибуса и ушёл, не оглядываясь назад, из-

за страха что полицейский захочет его расспросить по поводу его импровизированного обыска омнибуса.

Теперь он уже не испытывал больше никакого желания рассуждать об обстоятельствах этого печального дела, и пообещал себе, что будет оставаться спокойным и рассудительным, и не говорить ничего лишнего кроме того, что у него будет спрашивать комиссар.

Поль Амьен был талантлив, и у него было множество других милых качеств, но ему немного не хватало устойчивости в идеях. Его воображение очень быстро распалялось, но ещё быстрее охлаждалось. Он бросался очертя голову в самые рискованные проекты, гонялся за химерами почти так же, как дети гоняются за бабочками, пролетающими перед их глазами, но вскоре ему все надоедало, и он снова становился самим собой, начинал думать только о своём искусстве, работе, портретах и немного об удовольствиях, хотя и вёл в целом довольно обычную и даже, как бы это грубо не звучало, прозаичную жизнь.

Таким образом, несмотря на то, что в эту ночь Полю пришлось пережить довольно сильные эмоции, в этот момент, по дороге домой он был уже гораздо спокойнее. Он про себя уже сочинил целый роман о смерти молодой девушки, и сейчас этот роман был в процессе медленного выцветания из его головы, постепенно стирался и улетучивался из его разума.

Больше всего сейчас ему хотелось побыстрее попасть домой, чтобы увидеть свою мастерскую, и он пошёл прямо к дому, когда неожиданно в кафе, которое выдаётся, как мыс, из улиц между Рю Пигаль и Рю Фрошо, он увидел одного из своих друзей, художника, который сидел перед пустым стаканом и кучей подставок, отмечающих количество кружек, уже поглощённых страдающим от жажды посетителем.

Этот друг был единственным живым существом на застеклённой террасе кафе, чего-то вроде стеклянной клетки, где все не только видят, что вы едите и пьёте, но и вы прекрасно видите всех людей, проходящих мимо. Он признал Амьена, и начал сигнализировать ему телеграфными знаками, призывая его зайти к нему внутрь, и Амьен, немного поколебавшись, решил войти, прекрасно понимая, что если он не сделает этого, его товарищ бросится бежать вслед за ним и все закончится объяснениями и коньяком в его мастерской.

Его имя было Верро, этого любителя пива, посредственного художника, но несравненного говоруна, философа-практика, ленивца и сони, занимающегося всем, кроме красок и холста, хотя у него в процессе творчества всегда было не менее трёх или четырёх холстов, причём при всем этом он был самый лучший помощник во всех остальных делах в мире, самый преданный, самый бескорыстный, и кроме того, самый забавный.

Амьен, который никогда не соглашался с его мнением ни по одному вопросу, тем не менее не мог обойтись без его нелепых на первый взгляд размышлений, которые вносили определённое разнообразие в его размеренный образ жизни, и охотно выслушивал его противоречащие здравому смыслу мнения и парадоксальные суждения.

– Это ты! – воскликнул Верро. – Я бегал в поисках тебя весь вечер... где ты был?

– В одном приличном районе. Я обедал с одним из моих двоюродных братьев, что живёт на улице Рю Ласепед, – ответил Амьен.

– А из омнибуса ты выходишь, как мелкий буржуа, вместо того, чтобы, как истинный художник, возвратиться назад пешком, покрывшись прекрасной корочкой из тонкого прозрачного январского льда. Нет, ты никогда не станешь великим художником.

– Хорошо, пусть я буду мелким мещанином, но я не желаю спорить сейчас с тобой по этому поводу... Пусть так. Но если бы ты знал, какая странная история приключилась только что со мной в этом мещанском омнибусе.

– В омнибусе? Могу себе представить. Ты потерял свою корреспонденцию.

– Не шути. Это очень серьезно. Посмотри, что там происходит.

– Хорошо... и что такого особенного? Я вижу кондуктора, который рассуждает, как гуру, среди пяти или шести зрителей, собравшихся у дверей станции. Дешёвый спектакль местной знаменитости...

– Есть ещё один персонаж... покойник, который находится внутри станции... Вернее, покойница, красивая девушка, которая путешествовала вместе со мной в омнибусе... сидела прямо передо мной, а затем и рядом со мной...

– Может быть она ещё и скончалась на твоих руках? – с вечной издёвкой в голосе спросил Верро.

– Почти. Считаю, что ты провидец... И никто вокруг не понял, что она умерла.

– Зачем ты мне рассказываешь об этом?

– Я просто излагаю тебе факты. Вот и все, что случилось, и это самое удивительное... и самое странное, что совсем недавно, буквально только что... я почти пришел к убеждению, что её смерть не была естественной.

– Ах, вот оно что. Это, оказывается, тайна, которую необходимо разгадать. Тогда это моё дело. Я родился, чтобы быть полицейским, и мог бы служить примером для самых ловких и хитрых полицейских. Расскажи мне свою историю, а я выдам результат, как только мне будут известны все факты.

– Факты! Но нет ни одного. Все произошло так просто и обыденно, как и все в этом мире. Когда я пришел на станцию вокзала на бульваре Сен-Жермен, девушка была уже в омнибусе. Я заметил мельком, что она очень красива, и сел лицом к лицу перед нею. Толстая торговка сидела справа от нее, а слева один месье... один месье, выглядевший... он был похож на старого барабанщика национальной гвардии.

– Отлично! Вот у нас уже появился один подозреваемый.

– Подозреваемый он или нет, но ещё до отправления автобуса этот тип уступил своё место даме, которая прибыла слишком поздно, когда в салоне уже не было свободных мест... настоящая дама... элегантно одетая и не уродливая, насколько я мог судить сквозь вуаль, скрывающую её лицо.

– Если она её не подняла, то это значит лишь одно... у неё была причина скрывать своё лицо. И она без колебаний приняла любезность личности, которую ты мне только что описал? Знаешь ли ты, что это доказывает? Что они знали друг друга, и что это дело было заранее согласовано между ними. Мужчина специально сохранял место для дамы. Женщина заняла его, и именно она та самая личность, которая совершила это гнусное дело, нанесла жертве смертельный удар.

– Но не было никакого удара, – воскликнул Амьен.

– Ты так думаешь, потому что ничего не видел, – сказал Верро, который гнул свою линию с невозмутимой настойчивостью. – Я же по прежнему считаю, что этот обмен местами не является естественным. Теперь у меня есть определённая база для размышления и основание, чтобы начать расследование. Продолжим. Это был последний омнибус, не так ли?

– Да. Мне пришлось даже бежать с Рю Ласепед, чтобы не пропустить его.

– Это более чем веский повод для того, чтобы не уступать своё место, но мужчина его уступил и остался, не отправившись к цели своей поездки. Он просто не собирался никуда ехать.

– Он не остался, а поднялся на крышу омнибуса, на империал, и поехал на свежем воздухе.

– На котором на несколько градусов ниже нуля... и ледяной ветер, обжигающий ваше лицо... Я фиксирую твоё внимание на этом факте-он сидел там, потому что хотел убедиться, что его сообщница выполнит задуманную им операцию.

– А вот и нет. Мужчина вышел на остановке вначале Рю де-ла-Тур д'Оверни, а женщина чуть дальше... на углу Рю де Лаваль.

– То есть три минуты спустя. Им не составило никакого труда вскоре воссоединиться. Я уверен, что спускаясь вниз с империала мужчина на мгновение приостановился на шаг, специально для того, чтобы женщина в салоне заметила, что он уходит.

– Нет, но я заметил...

– Что?

– Это, прежде чем покинуть омнибус, мужчина так сильно стукнул пяткой три или четыре раза по крыше, что все, кто был внутри, это услышали.

– Ей-богу! Это был сигнал.

– Я признаюсь, что эта мысль и мне пришла в голову.

– Ах! Вот видишь, и ты это заподозрил! Только тебе не хватило смелости развить свои сомнения и оформить их в здравую мысль.

– За то ты, как только оседлаешь какую-нибудь идею, тут же частенько заходишь слишком далеко. Я допускаю... если тебе так нравится эта идея... что эти люди были знакомы... но отнюдь не для того, чтобы убивать несчастную девушку, которую они не знали.

– А ты откуда это знаешь?

– Я уверен в том, что по крайней мере дама не знала персон, рядом с которыми она в результате оказалась в салоне омнибуса, потому что она не оказала им чести бросить даже взгляд в их сторону. И я должен тебе заметить, что готов был поверить во время поездки, что мужчина с крыши надеется, что по прибытии он получит награду от дамы за его доброту, позволив ему сопровождать её. Ведь поднимаясь в салон, она позволила ему пожать свою руку.

– Всё лучше и лучше. Все теплее и теплее. У меня больше нет и тени сомнения в произошедшем. Это рукопожатие означало и заменяло два коротких слова «убей её.»

– Вы с ума сошли! Я говорю вам, что не было какого-либо, даже малейшего инцидента во время поездки.

– И, наконец... скажи мне... девушка, которая умерла, ведь она была, несомненно, была жива в тот момент, когда вошла в омнибус, не так ли?

– О! Очень даже жива. У нее тоже была вуаль на лице, но её глаза сверкали сквозь эту вуаль, как два черных бриллианта.

– Отлично! И по прибытии они уже потухли... Когда ты обратил внимание на то, что она уже прошла путь от жизни к смерти?

– Это я заметил именно тогда, когда мы прибыли на станцию на площади Пигаль. Она склонила голову на мгновение на моем плече, и я представил себе, что она спала. Я хотел, чтобы она проснулась, но...

– Как... на плече! Каким образом... Ведь для этого ты должен был сидеть рядом с ней? А я думал, что ты был с ней виз-а-ви.

– Завуалированная дама, которая была её соседкой слева, поддерживала голову девушки, начиная с моста Пон-Неф, считая, что она спала. Когда дама сошла на Рю де Лаваль, она попросила меня заменить её. Мне было отнюдь не тяжело послужить подушкой для молодой и красивой девушки. Справа от нее место было свободно. Я сел на него, и дама передала мне ношу, которая показалась мне сладостной.

– А ты не считаешь удивительным, что все эти манипуляции не прервали её сон? Поль, мой мальчик, ты снова видишь картинку только в прекрасном свете, но твоя наивность заходит слишком далеко... переходит все границы допустимого для умного человека.

– Я согласен, и всё же...

– Даме под вуалью было прекрасно известно, что она поручает твоим заботам труп, и это было ей необходимо лишь для того, чтобы он не упал раньше времени с кресла. Она поняла по твоему похотливому выражению лица, что ты ничего не заметишь, полностью поглощённый

в свои мечты о прекрасном теле девушки. Наверняка, ты уже представлял, как она будет позировать тебе. Это был сильный ход со стороны дамы-убийцы, и он мог иметь плохие последствия для тебя, сыграть тебе плохую службу. Ведь тебя могли арестовать. Как тебе удалось выпутаться из этой истории по прибытии омнибуса на конечную станцию?

– Как... у тебя хватает смелости утверждать, что меня могли обвинить в убийстве моей соседки?

– Эй! Эй! Мы видели и более чрезвычайные последствия таких необдуманных поступков, как твой.

– А... ничего страшного! Я просто пообщался со стражами порядка, которые констатировали смерть бедняжки. Но на теле не было никаких повреждений, даже следов инъекций.

– Посмотрим, что было дальше! Итак... прибыли люди с полицейского участка, с носилками, чтобы унести тело.

– Да... и они спросили меня лишь о том, как меня зовут... вот и все.

– Они, наверное, попросили тебя сообщить адрес места жительства, и ты его им сказал...!

– Без сомнения. Почему я должен был его скрывать? Кроме того, я не мог поступить иначе ради истины.

– Ну что ж, в твоих словах есть резон. Конечно, если бы ты отказался представиться, это показалось бы подозрительным. И ты из свидетеля прямиком превратился бы в подозреваемого.

– Подозреваемого... в чём? Я говорю тебе, что девочка умерла от разрыва аневризмы. У всех, кто её видел, нет никаких сомнений в этом отношении. Полицейские, сотрудник станции, кондуктор... все в один голос это утверждали.

– Все эти люди чрезвычайно компетентны в вопросах установления причины смерти! Так что не будь таким глупым. Ты не хуже меня знаешь, что врач осмотрит тело... и только он может решать, отчего и как она умерла. И все, что он решит, очевидно, тебе скажет комиссар полиции.

– Ладно, я пойду к себе... и главное, о чем я сейчас позабочусь, так это, чтобы ты не увязался за мной, потому что от твоих фантазий и рассуждений могут закипеть мозги даже у самого рассудительного и хладнокровного человека. Ах! Из тебя получился бы самый страшный следователь или жестокий судья в мире! Ты видишь преступления повсюду.

– Я их вижу только там, где они есть, мой дорогой. Ты присутствовал только что на мастерски с режиссированном и прекрасно осуществлённом убийстве. Но мне придётся просить тебя понести некоторые расходы, если ты хочешь узнать правду. Ты должен будешь мне в течении трёх месяцев покупать все парижские газеты.

– Ты с ума сошёл. Газеты завтра напишут о девушке, которая внезапно умерла в омнибусе, и на следующий день все уже забудут об этом несчастном случае.

– Если публику это не будет заботить, тогда я озабочусь этим делом.

– Ты хочешь заняться полицейскими делами для собственного удовольствия! Наверное, тебе именно этого не хватало в твоей жизни. А с меня достаточно переживаний.

Мне действительно нужно чем-то занять мой досуг. У меня полно свободного времени.

А твоя картина, несчастный... твоя картина, которая должна быть готова к выставке... ведь ты её едва начал!

– Совершенно не о чем беспокоиться. Я её напишу к весеннему вернисажу. Зимой же я никогда не работаю. Это противоречит моему биологическому циклу. Так что в моем распорядке целых два месяца, и за этот внушительный период времени я найду женщину, которая нанесла роковой удар твоей несостоявшейся модели.

– То есть ту, которая сидел рядом с этой бедняжкой?

– Конечно.

– Извини! Но было две женщины по бокам от жертвы, одна справа и одна слева.

– Ту, которая сошла на улице Лаваль, и которая так ловко переложила труп в твои объятия. Уверен, что это её рук дело.

– Осчастливь меня, объяснив, каким образом она могла убить свою соседку, да так, чтобы этого никто не заметил.

– Буду очень рад... как только ты ответишь на все мои вопросы. Ты сказал, что девушка опиралась на плечо завуалированной дамы...

– Да... Я даже думаю, что дама сама держала её за талию.

– А в какой момент она стала столь милосердно обнимать её своей рукой?

– Но... мне кажется, что это было после спуска с моста Мон Неф. Омнибус двигался очень быстро, и колесо, должно быть, наскочило на большой камень, потому что нас всех сильно, жёстко потрянуло. Малышка даже испустила слабый вскрик... О! Слабый крик... Она поднесла руку к сердцу, и откинулась назад... наверное, именно в этот момент разорвался какой-то сосуд в её груди... Она умерла без страданий... и почти без движения.

– Это, действительно, можно сказать, очень правдоподобно и вероятно, – с сарказмом произнёс Верро. – А потом, после этого небольшого спазма, она откинула голову назад... и добрая соседка подставила ей своё плечо... и обняла бедную девушку, которая после этого уже не двигалась, за талию.

– Ты описываешь эту сцену так, как будто лично присутствовал при этом.

– А ты, кто действительно все видел своими глазами, не нашел ничего странного в том, что после такого жестокого толчка эта молодая особа вдруг заснула и больше не проснулась.

– Я поначалу не обратил на это особого внимания... В салоне было очень трудно что-то разглядеть. Фонари почти умерли.

– Ей-богу! Я был в этом уверен. Злодейка рассчитывала на темноту.

– Но, опять же, каким способом она отправила в мир иной менее чем за десять секунд девушку, которой не было ещё и двадцати лет, и которая хотела лишь одного-жить? Первое, что мне приходит в голову-она её чем-то проткнула. Ты согласен со мной?

– Ножом... ах! Нет. Есть менее шумные и более верные средства.

– Какие?

– Ну... яд, например... одной каплей синильной кислоты можно отправить на тот свет самого крепкого мужчину.

– Когда она попадает в глаз или на язык, да...?

– Или просто на повреждённую кожу... Ты пожимаешь плечами... очень хорошо! Я не претендую на то, чтобы убедить тебя в своей правоте сегодня. Завтра ты поймёшь, что может быть я был прав. Я зайду к тебе в студию во второй половине дня. Но, тем временем, я тебя должен оставить. Вот и санитары, которые уносят тело. Я пойду, поброжу немного возле полицейского участка, чтобы узнать немного больше о том, что там говорят об этой истории. Я знаю бригадира. Он мне предоставит информацию, не сомневайся.

– И полицейский по призыванию устремился прочь из кафе, крича своему другу напоследок:

– Ты, надеюсь, урегулируешь мой счёт. Смотри, чтобы тебя не обманули. Я выпил не больше четырнадцати кружек пива.



## Часть II

«Дни следуют друг за другом... но не походят друг на друга», – гласит французская пословица.

На следующий день после этой печальной поездки в омнибусе, которая закончилась катастрофой, прекрасное зимнее солнце освещало пляс Пигаль. Холода внезапно смягчили свой нрав, и оттаявший фонтан бросал весёлые звуки журчащей воды прямо к голубому небу, которое отражалось на его поверхности, и итальянские натурщицы, сидевшие на ступенях вокруг этого художественного водоёма довольно улыбались под лучами зимнего солнца, согревавшими их во время ожидания начала длинных сеансов в мастерских художников.

У Поля Амьена, как и у них, было приподнятое настроение. Ночь отдыха успокоила волнения, терзавшие его накануне, и уничтожила мрачные видения. Он не думал больше о приключении, случившемся с ним накануне, не считая тлевшей в нем небольшой жалости к судьбе мёртвой девушки, и он поздравлял себя с тем, что не принял всерьёз потешных фантазий своего друга Верро.

Утром ему нанёс визит инспектор полиции, посланный комиссаром, скорее для того, чтобы побеседовать с ним, чем его допрашивать, так как смерть девушки была признана наступившей в результате несчастного случая, что было только что действительно и должным образом констатировано врачом, совершившим осмотр тела, которое не несло никаких следов и признаков насилия.

Девушка должна была умереть, по всем признакам, от внутреннего кровотечения, и пока аутопсия не подтвердила заключения доктора, труп был отправлен в Морг. В Морге, как это принято для неопознанных персон, труп будет выставлен на всеобщее обозрение, ведь в одежде умершей девушки не нашли никакого указания, которое помогло бы установить её личность.

Факты, впрочем, не позволяли предполагать, что в отношении нее было совершено преступление. Показания кондуктора были предельно ясны и подтверждали естественную смерть девушки.

Давая показания перед комиссаром, кондуктор не отказал себе в удовольствии насмешливо изобразить крики пассажира, который, прибыв на конечную станцию, кричал, что только что убили девушку, и доказал без труда, что у идеи этого господина не было ни грамма здравомыслия.

Пассажир, а это был именно Поль Амьен, имя которого комиссару было довольно хорошо известно, так как оно было на слуху в окрестных кварталах, поскольку Поль был уже знаменитым художником, так что отыскать его было просто, тем более что он оставил свой адрес стражам порядка.

Но Поль Амьен к этому времени полностью изменил своё мнение о произошедшем накануне, так что он счёл абсолютно бесполезным доводить до сведения инспектора абсурдные доказательства, которыми этот сумасшедший Верро угостил его вчера, попивая своё пиво. Он довольствовался тем, что рассказал о том, что он видел, без собственных размышлений и без комментариев.

И, выполнив свой долг перед государством, и будто скинув со своих плеч все печали прошлого, Амьен позавтракал с аппетитом и с жаром принялся за работу.

Он тогда заканчивал картину, на которую возлагал большие надежды на успех на ближайшем Салоне, картину, которая должна будет окончательно закрепить за ним славу выдающегося художника современности. На картине была изображена молодая Римлянка, пасущая козу у подножия гробницы Цецилии Метеллы.

И ему посчастливилось найти натурщицу, которую Бог, казалось, создал специально для того, чтобы ему было с кого создать образ, о котором он мечтал.

Именно такую девушку, почти ребёнка, он однажды встретил, спускаясь с высот Монмартра, и которая у него спросила дорогу в Ботанический сад.

Амьен провел четыре года в Риме, и знал в достаточном объёме итальянский язык, чтобы информировать малышку на единственном языке, который она понимала.

Затем он справился о том, что она делала в Париже, и девушка ему ответила без затруднения, что только что приехала сюда с одним из своих соотечественников, который занимался вербовкой в Италии моделей обоих полов, и селил их в Париже на улице Дефоссе-Сен-Бернар, около Винного рынка, в большом доме, в котором живут в основном музыканты.

Она родилась в Субиако, в горах Сабины, и провела своё детство, гоня коз через скалы этого дикого края. Её мать, умершая в прошлом году, позировала художникам в мастерских в Риме. Она никогда не знала своего отца, но ей говорили, что она была дочерью французского художника, который, проведя несколько лет в Италии, уехал, не беспокоясь о судьбе своей дочери. У нее была старшая сестра, но эта сестра ещё в детском возрасте была увезена человеком, который вербовал учеников, чтобы им преподавать пение и помещать их затем с собственной выгодой в театры Италии.

У Поля Амьена, восхищённого её красотой, тотчас же возникла идея немедленно конфисковать к своей выгоде эту ещё никому неизвестную натурщицу, ведь эта девушка, как он быстро сообразил, к тому времени ещё не побывала на просмотре ни у одного художника, и он незамедлительно договорился о её судьбе с её покровителем, который, посредством довольно круглой суммы, взял на себя письменное обязательство поселить девушку отдельно от других своих натурщиц и надлежащим образом обставить быт Пии, – таковым было имя этой маленькой девочки, – и посылать её каждый день к нему в студию на пляс Пигаль, отклоняя предложения от других художников, которые они могли ему сделать в отношении Пии.

И вот уже пять месяцев маленькая Пия непременно в полдень стучалась в двери студии Поля Амьена, который к тому времени стал рассматривать её в большей степени в качестве подруги, а не наёмной рабочей силы.

Красота Пии не была тривиальной. Девушка не походила на этих итальянских малышек, которые все как одна обладают набором одинаковых черт-непременно большими черными глазами, слегка выпуклыми и красными губами, светло-коричневыми волосами... одним словом одинаковыми до такой степени, что они сливались перед глазами и не могли вдохновить на создание оригинального характерного образа.

В ней угадывались черты народа, вдохновлявшего на создание шедевров художников всех времён, но одновременно в выражении её лица были видны акценты, которые обычно проявляют невнимательность почти ко всем девушкам её страны, а именно живой ум, задорность, индивидуальную характерность.

И эта физиономия не была обманчивой. У Пии действительно был открытый разум и удивительная лёгкость в общении, позволяющая ей легко адаптироваться к обстоятельствам. За несколько месяцев она сумела заговорить на очень хорошем французском языке, о котором она не знала абсолютно ничего, прибывая в Париж. Она развлекала Амьена своими наивными репликами и неожиданными ответами на его вопросы. Она его удивляла справедливостью своих мыслей относительно всех жизненных вопросов и даже относительно искусств, на уровне чувств, конечно.

Ещё больше она его удивляла своей мудростью. Это маленькое чудо, которое, где бы оно не показывалось, везде вызывало абсолютно у всех восхищение, не имело и тени кокетства, и совершенно непонятным образом, какой-то невероятной естественной непосредственностью сдерживала чересчур назойливых поклонников её красоты. Она носила народный костюм своего родного края, совершенно не стремясь одеть модные парижские наряды, которые охотно позволяют себе её коллеги натурщицы, едва оказавшись в Париже. Никогда ещё шаль не покрывала её ещё немного худые, но прелестного контура плечи, никогда ещё ботинки не заключали в тюрьму её ноги античной статуи, ноги, приученные топтать босиком горный тимьян.

И она жила как святая, выходя из дома только для того, чтобы отправиться в мастерскую Амьена, не водила дружбу со своими компатриотами и с другими женщинами, которые с удовольствием овладевают в Париже сомнительной и скабрёзной профессией модели-натурщицы.

С тех пор, как благодаря щедрым кредитам Амьена Пия больше не была обязана существовать подобно другим девушкам натурщицам, вести образ жизни, который нищета навязывает бедным красавицам, привезённым из Италии их новым хозяином и использующим их для своего обогащения, она продолжала жить в доме на улице Фоссе Сен-Бернар, но при этом полностью отделилась от этой праздношатающейся колонии, располагающейся лагерем в этом фаланстере.

Пия занимала небольшую комнатку под крышами: узкая мансарда, стены которой были побелены и в которой не было никакой другой мебели, кроме маленькой железной кровати, трёх стульев из плетёной соломы и разбитого зеркала. Она там проводила все своё свободное время, остававшееся у нее после работы в мастерской, посвящая его чтению книг... да, она научилась читать... и пению народных песен своих гор... и мечтам... о чем? Амьен развлекался иногда тем, что спрашивал её, о чем она мечтает, но внятного ответа, в отличие от занимательных ответов на другие вопросы получить не мог. О чем может мечтать девушка, которой только что исполнилось пятнадцать лет.

Того, что Пия зарабатывала, позируя своему благотворителю, ей было вполне достаточно. Ела она не больше, чем птичка-невеличка, и расходовала очень мало денег на свой туалет, хотя при этом она была чрезвычайно заботлива к своему лицу и одежде.

И ещё она была очень весёлой, а это достаточно редкое качество для уроженок Рима... весёлая той откровенной радостью, которую даёт удовлетворение самостоятельной жизнью и отсутствие забот. Когда она приходила в мастерскую Поля, в нее впрорхала радость вместе с нею.

Уже месяц, между тем, Амьену казалось, что Пия стала не такой весёлой, как раньше, более сдержанной, более задумчивой, не такой ребячливой, говоря одним словом. Она не играла больше с любимым котом в мастерской Поля, великолепным ангорским котом, который к ней чрезвычайно привязался, и всегда прыгал на её колени, как только Пия присаживалась на стул, чтобы выслушать установку на сеанс, понять, какую позу ей необходимо принять.

Эти симптомы показались художнику очень серьёзными. Он знал природу чувств этих маленьких девочек, переселённых безжалостной рукой из Италии во Францию, которые изнемогают от тоски и физического упадка сил в первое время пребывания в нашем холодном климате, и затем внезапно созревают при же первом солнечном луче. И он заподозрил, что это начало мимолётной любви.

Чтобы разъяснить случай, выяснить, что происходит, Поль осторожно стал расспрашивать малышку, которая принялась плакать вместо того, чтобы отвечать Амьену, и он не стал настаивать, не желая огорчать её, хотя идея, которая пришла в его голову, опечалила художника. Амьен, что называется, прикипел к этому ребёнку, и ему огорчительно было думать, что она глупо влюбилась, возможно в какого-нибудь грубого пастуха, приехавшего в Париж из Абруццо, чтобы собирать бронзовые монеты в 10 сантимов, играя на шарманке. Ему случалось даже иногда спрашивать себя, не ревнует ли он её, и он упрекал себя за это, вспоминая возраст Пии и свои двадцать девять лет. Ведь он был почти в два раза старше девушки. В такие моменты он становился серьёзным, почти холодным, и позирование происходило без того единого слова в адрес бедного ребёнка, который уходил от него с тяжёлым сердцем.

Но на следующий день после его приключения в омнибусе, Поль Амьен пребывал в хорошем расположении духа. Уверенность в том, что он не замешан, даже косвенно, в преступлении, и ему не придётся участвовать в судебном следствии, и приподнятое вследствие этого настроение позволяло ему весело беседовать с пастушкой, возлежавшей в глубине мастерской на высоком постаменте, имитировавшем мрамор гробницы Цецилии Метеллы.

– Пия, моя красавица, – сказал Поль Амьен, смеясь, – ты не подозреваешь, что вчера вечером я чуть не поднялся к тебе по твоим почти отвесным шести этажам, чтобы удивить тебя. Но все-таки, в конце концов, решил не беспокоить твой сон и пошёл ужинать в кафе в твоём квартале.

– И вы не зашли ко мне, не захотели увидеться со мной! – воскликнула девушка. – Я была бы так счастлива показать вам мою комнату... она теперь столь красива... у меня есть три цветочных горшка и птица, которая поёт, и именно вам я всем этим обязана, все счастье в моей жизни благодаря вам...

– Я испугался, что затрудню тебя, ведь твоя комнатка не больше тельца твоей птички... эта твоя мансарда. И затем, вломиться к тебе без предупреждения! Я не осмелился. Потом, я не хотел помешать тебе, застав тебя с твоим возлюбленным...

Пия побледнела, и слезы навернулись на её глаза.

– Почему вы говорите мне об этом? – прошептала она. – Вы ведь прекрасно знаете, что у меня нет возлюбленного.

– Ладно, малышка, – весело продолжил Амьен, – не плачь. Это тебя совсем не красит и нарушает мою композицию. Разве ты плакала там, в горах, когда пасла свою козу?

– Нет, никогда... и здесь тоже... когда вы сами не ищите случая расстроить меня... и заставить заплакать...

– И смеяться тоже. Давайте ка лучше смеяться, или мне придётся задуматься над тем, не хочешь ли ты чего-нибудь от меня. Может быть ты влюбилась в меня? Ладно, я говорил не серьёзно.

– Как вы могли сказать такое...! Хорошо, я уже об этом больше не думаю... но, пожалуйста, не говорите мне больше о том, что у меня есть возлюбленный... откуда он у меня может появиться, мой Бог? Там, в моем доме, все мальчики, которые работают для отца Лоренцо, некрасивые и злые, как обезьяны... на пляс Пигаль может быть тогда...? На ступенях фонтана...? Но если бы вы посмотрели в окно, когда я иду к вам, вы увидели бы, что я никогда там не задерживаюсь. Я слишком тороплюсь попасть в вашу мастерскую, чтобы меня согрел... и обнять моего друга Улисса... вот кто мой возлюбленный.

Ангорский кот, который мурлыкал около печи, услышал своё имя и прыгнул одним махом на колени Пии, которая продолжила, хохоча:

– Он меня очень любит... и приходит ко мне без особого приглашения... и никогда не причиняет мне страданий.

– Ты права, малышка. Улисс – хорошее животное. Гораздо лучше меня... или животного по имени Верро, которое приходит ко мне только для того, чтобы мучить меня и тебя.

– О!... Мне всё равно, есть месье Верро здесь или нет, но вы, месье Поль, как только вы начинаете смеяться надо мной, я теряю голову и позу. Вот видите! Я не двинулась с места с начала сеанса, а теперь, когда вы меня побеспокоили, я не знаю, как мне правильно зафиксироваться...

– Застынь в этой позе... Так... теперь совсем немного сдвинь голову назад... посмотри на меня... на Улисса... вот, теперь – замри.

Пия сделала то, о чём ей говорил Амьен, а кот лёг на кровати в том месте, которое он так любил.

– Сейчас все сложилось идеальным образом, – сказал художник, – и так как ты добра ко мне, тебе будет приятно узнать, что если я и не зашёл к тебе вчера, чтобы пожелать спокойной ночи, то только лишь потому, что было уже чересчур поздно, когда я оказался около твоей улицы... полночь... и все уже спали в твоей казарме, где Лоренцо поселил своих пифферари.

– Но я... я не спала, – прошептала Пия.

– В этот неурочный час!... Это очень плохо, малышка. Маленькие девочки твоего возраста должны ложиться рано, как славки, певчие птички... Произносы молитву Аве Мария, как принято в твоей стране.

– Это – то, что я делаю каждый вечер, но вчера...

– Никаких объяснений, мадемуазель. Иначе Вы ещё раз поменяете положение, если приметесь болтать, а у меня нет времени, чтобы его терять. День уходит, солнце клонится к закату. И чтобы вас не соблазнять на разговоры, я вам не расскажу историю, которая со мной случилась вчера, когда я возвращался домой... из вашего треклятого квартала...

– О! Месье Поль! Я вам клянусь, что больше не произнесу ни слова.

– Совсем ни одного! Совсем! Не верю... ты, возможно, и промолчала бы, но моя история могла спровоцировать твои рыдания, а мне не нужны твои заплаканные глаза.

– Вам никто не причинил никакого зла, не сделал ничего плохого... я надеюсь!

– Нет, нет. Ты прекрасно это видишь, ведь у меня отличное настроение. Я давно не работал с таким воодушевлением. Если бы я мог продолжать с таким настроением и темпом работу над картиной, я сумел бы её закончить через две недели.

– И что потом... я вам стану больше не нужна? – с видимым волнением в голосе спросила Пия.

– Не разговаривай! Выражение твоего лица сразу же меняется. Прими нужную позу, шалунья, не двигайся! После этой картины я с тобой сделаю другую, где тебе придётся уже не лежать так комфортно, как сейчас, а стоять, три часа на твоих ногах. И ты будешь так уставать, что тебе уже не захочется щебетать, как сейчас.

В этот момент, дверь мастерской внезапно открылась, и Верро, как прусский артиллерийский снаряд, влетел в мастерскую, воскликнув:

– Я её видел, мой дорогой. Она восхитительна!

– Кого? – спросил Амьен.

– Черт возьми! Покойницу. Я к тебе прямо из Морга. Её там выставили в час дня... и собралась целая толпа, чтобы поглазеть на эту красавицу!...

Когда Верро ещё не успел произнести этих слов: «Я пришел из Морга», Амьен принялся ему делать знаки, смысл которых был очень ясен, но Верро никогда не останавливался посреди речи, которую успел начать, и невозмутимо закончил начатое.

– Ты был прав, она восхитительна, – рассыпался он в комплиментах. – Если бы она стояла на улице живой, я бы без раздумий дал ей двадцать франков в час. Пия – это натурщица, которую я прежде ни у кого не видел, не правда ли? – мимоходом заметил Верро. – Пия красива, но она и близко не стоит рядом с покойницей. Я попытался быстренько набросать её портрет на бумаге перед остеклением, но полицейские меня вынудили циркулировать перед витриной,

запретив стоять на месте, и ещё там был один буржуа, который стал мне говорить всякие глупости. Он сказал, что у меня нет сердца, этот дурак. Да оно у меня в сто раз больше, чем у него, это сердце. То, что я делал эскиз, так это в интересах искусства и будущих поколений. К счастью её собирались фотографировать. Впрочем, когда я увидел, что мне выставляют за дверь, я сказал себе: есть только одно средство, и я отправился прямо к...

– Замолчишь ты когда-нибудь, проклятый болтун? – закричал ему Амьен, – если ты произнесёшь ещё хоть одно слово, я тебе выставлю за дверь.

– Почему? Что это с тобой? – спросил бездарный мазил с выражением неподдельного изумления на лице.

– Со мной ничего... кроме того, что мне нужно работать, а ты мешаешь мне это делать... и кроме того, ты пугаешь малышку своими гадкими историями.

– Как! Потому что я рассказываю о Морге! Ах! Как она хороша, та, что там лежит! Но ведь это её, напротив, развлечёт, эту твою малышку. Бьюсь об заклад, что она каждый день проводит у тебя, и жизнь её довольна однообразна- мансарда-дорога к тебе-студия- мансарда...

– Верро, мой мальчик, во второй раз я тебе предписываю молчание, и я тебя предупреждаю, что с третьим предупреждением... если ты не повинешься... тебе ведь известно, как во времена Второй империи разогнали Национальное собрание.

– Угрозы? Насильственные действия? Какой травы ты накупил себе этим утром на рынке? Вчера вечером ты только и делал, что взахлёб рассказывал мне о своём приключении.

– Ещё одно... и...!

– Хорошо! Хорошо! Я не знал, что Пия столь впечатлительна, но так как мадемуазель оказалась очень нервной, я буду нем, как рыба... до тех пор, пока она не уйдёт, так как потом... у меня куча новостей, которые тебя заинтересуют.

– Оставь меня в покое, пока я не закончу сеанс. У меня нет времени на болтовню во время работы. Поправь позу, дорогая Пия, и если этот сумасшедший позволит себе ещё раз открыть рот, доставь мне удовольствие, не слушай его.

– Морг, это такой дом, где показываются мёртвых? – спросила глубоко тронутая этими разговорами девушка.

– Итак, прекрасно! Ты тоже состоишь в этом заговоре против меня, вы оба не хотите, чтобы я вовремя закончил это полотно! – воскликнул Амьен. – Вы, кажется, поклялись друг другу сделать сегодня все, чтобы я не сделал ничего путного...

– Я знаю, где он находится, – продолжила Пия, – но я не осмелилась туда войти... и никогда не осмелюсь. О!... Нет, никогда!... Никогда!...

– Черт возьми! Я очень на это надеюсь. А ты, Верро, если ты не заметил, то могу заявить тебя прямо, что я тебя совершенно не ждал здесь. Но если у тебя есть новости, то ты можешь подождать немного, я собираюсь вскоре закончить сеанс. Ещё три минуты неподвижности, и я

закончу, моя маленькая девочка. Несколько небольших прикосновений к холсту... Я только начал улавливать эти полутона, когда это животное Верро потревожило нас. Ах! Я уловил суть, теперь Пия, замри и больше не шевелись.

Пия, казалось, его не слышала. Её лицо приобрело сумрачное выражение, большие черные глаза больше ничего не выражали, лишь бессмысленно смотрели на Улисса, который только что проснулся и привстал на своих сильных лапах, выгнув дугой пушистую спину.

Верро, успокоившись в предвкушении предстоящей беседы, замолчал, и утешался тем, что рыскал по всем углам мастерской, переворачивая и рассматривая прислонённые к стене картины, открывая и обнюхивая коробки с красками и переставляя мольберты.

И он так действовал на нервы Амьену, что тот, выведенный из терпения, закричал Верро:

– Закончишь ли ты шарить по моей мастерской? Что ты ищешь?

– Табак. Я забыл его купить, – ответил мазила Верро, потряхивая длинной трубкой, с которой он никогда не расставался.

– Кисет у подножья манекена... у окна.

– Отлично. Премного благодарен. Тогда ты не будешь простирасть свою строгость до такого абсурда, что запретишь мне курить? Спасибо за вашу снисходительность, мой принц. Ах! Но, заметь, что шутка твоя неудачна, фарс не удался, а твой кисет пуст, внутри него не больше табака, чем мозгового вещества в черепе моего нового знакомого, буржуа из Морга.

– А ты, месье Верро, несносен! Поищи табак в кармане моего пальто, которое висит там, у входа.

– Я повинуюсь, мой сеньор, – серьёзно ответил Верро, поднеся обе свои руки перед лицом, пытаясь изобразить какое-то сугубо восточное приветствие.

И он принялся рыться в пальто, в то время как Амьен, вытирая свои кисти, говорил Пие:

– Достаточно на сегодня, малышка. Я больше не в состоянии что-то увидеть, стало слишком темно.

– Ты шутишь! Ты издеваешься надо мной! – ворчал Верро, – я напрасно стараюсь зондировать глубины этой великолепной одежды, недоступной моему кошельку... мне ничего не удастся обнаружить... ничего, что способно тлеть в моей трубке... зачем так издеваться над другом... здесь нет ровным счётом ничего... хотя, мои пальцы что-то нащупали... этот предмет послужит мне ещё для... я им буду рыхлить табак в трубке... Неужели это твоя! Это ведь женская булавка!

Верро, восхищённый своей находкой, триумфально размахивал перед собой позолоченной булавкой, которую он извлёк только что из кармана пальто своего друга.



– Ах! Мой бойкий славный малый. Как я вижу, ты парень не промах, – кричал он, – ты наполняешь свою одежду интимными предметами для прекрасного пола! Какая принцесса оставила тебе этот залог своей любви?

Амьен совершенно забыл об этой булавке, которую он подобрал накануне в омнибусе, и он находил неуместной шутку, которую Верро позволил себе по поводу предмета, который, вполне вероятно, принадлежал умершей девушке.

– Доставь мне удовольствие и положи этот предмет туда, где ты его взял, – гневно сказал он Верро.

– Ты опасешься, что я его оскверню, вульгарно и заурядно используя, – иронично произнёс неисправимый шутник. – Успокойся! Я не буду им пользоваться. Ты сможешь его хранить у своего сердца. Ах, значит наш знаменитый маэстро кисти влюблён? И с каких это пор?

– Верро, решительно, ты меня раздражаешь.

Пия внезапно встала, и подбежала к Верро, чтобы рассмотреть булавку поближе.

– Ну и что ты об этом скажешь, дитя гор? – спросил у неё горе-художник. Ты такого никогда не носила в своём Субиако... и у тебя теперь в Париже развился такой хороший вкус, что ты не будешь использовать такую булавку здесь... Мещанка, которая всадила эту безделушку в свой шиньон, недостойна любви художника, и Поль должен был бы покраснеть от того, что так тщательно сохранил эту жалкую и смешную реликвию производства новейшей парижской индустрии и купленную на базаре за пятнадцать су. Помогите мне, малышка, устыдить нашего друга за его смешное поклонение этой прискорбной безделушке. Смотри! Она плачет! Почему, черт возьми, ты плачешь? Это, случайно, была не твоя штучка? Неужели тебе хватило неуместной фантазии опозорить твои красивые волосы, украшая их этой нелепой иглой из томпака?

– Я не плачу, – шептала девушка, которая старалась изгонять прочь свои слезы.

– Верро, ты невыносим, – воскликнул Амьен. – Я тебе запрещаю терзать эту малышку. Ты её замучил и расстроил своими глупыми разглагольствованиями. Позволь ей спокойно уйти. Возьми своё манто, Пия, – продолжил Поль, – и отправляйся к себе домой на Рю Дефоссе Сен-Бернар... Наступает ночь, и на улицах становится небезопасно после захода солнца. Попытайся завтра прийти ко мне точно в полдень. Я обещаю тебе забаррикадировать дверь в мастерскую, и никто не сможет нас побеспокоить... у нас будет длинный сеанс.

Пия уже была готова уйти, и когда Амьен ей протянул на прощание руку, она склонилась, чтобы её поцеловать, по итальянской моде, но он отдернул руку и поцеловал её в лобик. Девушка побледнела, но он не сказала ни слова, и вышла, не смотря на Верро, который посмеивался исподтишка.

– Мой дорогой, – начал он, как только Пия исчезла, – я сделал за один день больше открытий, чем сделали за век самые известные навигаторы... и последнее... самое курьёзное из всех. Я обнаружил только что, что эта переселённая с итальянских гор пастушка безумно влюблена в тебя. Она плакала, потому что полагала, что булавка была забыта в твоём кармане твоей любовницей. Пия ревнует. Следовательно, она тебя любит и боготворит. Опровергни это моё умозаключение, если ты на это осмелишься... или сумеешь это сделать.

– Я не собираюсь ничего опровергать, но заявляю тебе, что если ты будешь продолжать в том же духе, мы поссоримся.

– Ладно, не волнуйся, но скажи мне, наконец, откуда она у тебя появилась, эта брошка, которую могла носить только персоне, посещающая забегаловки, в которых подают почки в соусе за сорок су? Это что-то воспоминание о любимой женщине? Я думаю, что у тебя была веская причина для этого. Утверждают, что тебя недавно видели в серьёзных салонах, где показывались молоденькие, хорошо воспитанные и образованные девушки, которые охотно бы вышли замуж за художника, лишь бы он только зарабатывал сорок тысяч франков в год, а твой доход уже должен приближаться к этой внушительной цифре. Но эти девушки не могут носить такие позолоченные побрякушки. Если ты хочешь, чтобы я завидовал тебе, расскажи мне об этом.

– Верро, мой друг, ты говоришь глупости, и мне не следовало бы тебе отвечать, но нужно питать жалость и милосердие к умалишённым. Я готов тебе сообщить, что нашел эту булавку вчера вечером, в омнибусе, и что я её сохранил, как воспоминание о бедной девушке, умершей вчера, ведь она должна была служить ей, чтобы удерживать шляпку на её несчастной головке по время поездки.

– Ах! Тогда поразмыслим! Это – украшение для празднично разодетых кухарок, а я тебя со всей ответственностью могу заверить, что чудесное создание, которое в этот момент располагается на одной из мраморных плит Морга, никогда в своей жизни не таскало корзины с провизией. Я скорее думаю, что её потеряла в омнибусе одна из её соседок.

– Тогда я тебе её дарю, – ответил Амьен.

– Я принимаю твой подарок, – воскликнул Верро. – Это – вещественное доказательство. Иногда достаточно самой маленькой вещицы... чего-нибудь, на что никто не обратил внимания, чтобы поймать убийцу... бумаги... запонка, забытая в театре на месте преступления... как это описано в известном романе «Преступление в Гранд Опера», это называется перст Божий.

– Хорошо! Твоя страстишка будет удовлетворена... булавка твоя!

– Называй это как хочешь – капризом... страстью. Но эта страсть к установлению истины принесла в мою голову одну идею, и я собираюсь проделать перед твоими глазами один опыт. Где Улисс? Иди сюда, ко мне, Улисс! Мяу! Мяу! Мяу! – мурлыкал Верро ласковым голосом.

– Что ещё ты хочешь от моего кота? Не беспокой хоть его, прошу тебя.

Улисс, привлечённый жестами горе-художника и следователя – любителя одновременно, уже подходил к нему медленно, степенно, как и подобает коту, который уважает себя, и является хранителем очага.

– Не иди к нему, Улисс, – сказал Амьен. – Ты прекрасно видишь, что этот господин лишь посмеётся над тобой. У него нет ничего, чем он бы мог угостить тебя.

– Я ему не принёс ничего вкусенького, это ясно, – пробормотал Верро. – Я не могу себе позволить подкармливать кошек моих друзей, но я могу их приласкать. Улисс – сытое

и довольное животное, Улисс меня любит за мою доброту, а не за подачки. Позволь ему засвидетельствовать свою привязанность ко мне и потереться о мою штанину.

Говоря без умолку всякую ерунду, чтобы отвлечь внимание своего друга, горе-художник и кошачий дьявол по совместительству сел на скамеечку и протянул свою вероломную руку к ангорскому коту, который самонадеянно приближался к нему.

Амьен, хотя и наблюдал за действиями Верро, не увидел, что тот зажал между своими пальцами позолоченную булавку, скрыв позолоченную головку, и лишь острие булавки, как швейная игла, торчало перед пальцами, но со стороны это не было заметно.

Улисс это видел, но он это был любопытен и жаден – это самые безобидные пороки кошек из хорошего дома – и он приближался, чтобы обнюхать незнакомый предмет, который ему предлагал близкий друг его хозяина.

Его морда оказалась в контакте с заострённым инструментом, и Верро злоупотребил положением, чтобы слегка пронзить розовый нос бедного зверя, который инстинктивное совершил движение назад... только одно.

Голова кота вдруг опрокинулась на шею, его длинные шелковистые волосы стали дыбом, спина выгнулась, как горбатый мост в Дольче Акве, широко раздвинутые лапы напряглись и застыли, челюсти раскрылись, а глаза поблекли... но Улисс не стал мяукать, издавать это всем известное заунывное мяуканье, которым кошки жалуются на свою судьбу, не стал прыгать и шарахаться из стороны в сторону... он остался неподвижен и нем. Затем конвульсивное колебание потрясло все его тело, и, по прошествии двадцати или тридцати секунд он упал, как подкошенный.

– Что ты сделал с Улиссом? – закричал Амьен, устремляясь к животному, которое он так любил.

И как только художник до него дотронулся, произнёс, взволнованным голосом:

– Он умер.

– Да... точно так же, как девушка из омнибуса, – спокойно подтвердил Верро.

– Ты его убил, – продолжил художник с гневом. – Это уже не шутка. Убирайся вон, и чтобы ноги твоей больше не было на пороге моего дома.

– Ты меня выгоняешь?

– Да, потому что ты разрушаешь и губишь всё, до чего дотрагиваешься, всё, что я люблю. За те полчаса, что прошли с того мгновения, когда ты переступил порог моей мастерской, ты причинил всем только горе. Пия ушла вся в слезах, и причиной тому ты. Но и этого тебе было мало, и ты убил моего несчастного кота, который был радостью моей мастерской. В действительности, если бы я не знал, что ты – на три четверти умалишённый, я бы не довольствовался тем, что закрыл мою дверь для тебя, я бы призвал тебя к ответу за твоё гнусное поведение.

– Это было бы странно, – насмешливо сказал Верро, – чрезмерно странно! Тащить меня на лужайку и сразу же одаривать ударом шпагой за то, что я тебе спас жизнь, это – вершина неблагодарности.

– Ты мне спас жизнь, ты...?!

– Ни больше, ни меньше, мой дорогой.

– Мне было бы любопытно узнать. как! Ты будешь меня уверять, что моя кошка страдала бешенством?

– Нет. Улисс был честным ангорским котом, и если он и был в чем-то виноват, так это только в том, что время от времени он рвал мои брюки, точа об них свои когти. Но эту вину он искупил, погибнув ради своего хозяина, ради того, чтобы одно ужасное преступление не осталось безнаказанным.

– Ещё одна нелепость из твоих уст!

– Можешь ты меня хотя бы выслушать, прежде чем выставишь на улицу? Я у тебя прошу только десять минут, чтобы доказать тебе, что если бы меня не посетила одна гениальная идея, тебя бы вскоре посетило несчастье.

– Ладно, у тебя десять минут! Но потом...

– Потом ты можешь делать все, что захочешь... и я тоже. Видишь ли ты эту булавку?

– Да, и если бы я знал, что ты её воспользуешься для того, чтобы пронзить сердце бедного Улисса...

– Я ему не пронзил сердце, посмотри же сам! Нет ни капли крови на его белом меху, я его лишь слегка уколол в морду и он свалился замертво. Теперь понимаешь ли ты то, что произошло вчера вечером в омнибусе?

– Как? Что ты имеешь в виду?...

– Бедная девушка, которая сейчас лежит в Морге, была убита также, как я убил только что Улисса. Только её пронзили иглой в руку.

– Что... Этой булавкой?

– Мой Бог, да. Не потребовалось ничего большего. И агония малышки не была ни длиннее, ни шумнее, чем кончина твоей кошки.

– Что! Булавка была...

– Отравленная, мой дорогой, и ты её носил в кармане твоего пальто. Роясь в вышеупомянутом кармане, чтобы взять платок или кيسет с табаком, твои пальцы безошибочно встретили бы кончик этой любезной штучки для волос, и на ближайшей парижской художественной выставке... было бы, по крайней мере, на одну картину и одного призёра меньше. Чудо, что я

ещё жив, – продолжил Верро. – Если бы я взял булавку за кончик-острие, а не за позолоченную головку на другом конце, я в этот час валялся бы, распластанный, как твой кот, на полу мастерской, и ты должен был взять на себя расходы по моим похоронам. Конечно, это не было бы катастрофой для тебя, моя смерть, да и искусство не потеряло бы много, но я, все-таки предпочитаю, чтобы это несчастье случилось с твоей кошкой, а не со мной.

– Я тоже, – прошептал Амьен, расстроенный так, что он даже не понимал, где находится.

– Спасибо за эту прекрасную благодарственную речь, твои дифирамбы меня вдохновляют- сказал горе-художник с иронической гримасой. – Я констатирую с удовольствием, что ты не хочешь больше мешать мне тебя спасать, и я тебя искренне поздравляю с тем, что ты подобрал в омнибусе этот маленький инструмент. Он послужит мне и поможет найти тех, кто его придумал.

– Булавка, которая убивает!... В это невозможно поверить...

– Факты налицо.

– Но эти яды, которые поражают жертвы, они существуют только в романах или драмах...

– И у дикарей, мой дорогой друг. Они погружают концы своих стрел в яд, когда ходят на охоту или на войну, и все раны, нанесённые этими стрелами смертельны, это общеизвестный факт.

– Да, я действительно где-то читал об этом, но...

– И яд, который они используют, известен также. Это – кураре. Утверждают, что они его изготавливают из яда гремучей змеи, и все, кто интересуется этим вопросом знают, что он бесконечно долго сохраняет свои свойства в сухом виде. Вот, смотри! Видишь это красноватое покрытие, похожее на лак, на кончике этой булавки... это и есть химический продукт, с помощью которого можно погубить целый прусский полк менее чем за пять минут. Я всегда жалел, что мы не натирали этим средством наши штыки во время осады Парижа пруссаками...

– Говори серьёзно, смерть- не повод для шутки. И если твои домыслы подтвердятся, если это реально...

– Ты ещё сомневаешься? Ты можешь убедиться в моей правоте, рассмотрев внимательно Улисса. Он чувствовал себя превосходно, но одного лёгкого укола было достаточно, чтобы погасить его жизнь. И ты видел, как он умер... без потрясения и беззвучно. Едва ощутимое вздрагивание, момент неподвижности, затем падение и все кончено. Точно сцена в омнибусе, не находишь?

– Это правда... девушка издала лишь тихий, очень слабый крик... напряглась...

– И её голова упала на плечо соседки, после чего она не шевелилась больше. Удар был нанесён.

– Что! Эта дама, которая сидела слева от неё, имела при себе...

– Я тебе расскажу всё об этом деле! И ты, если захочешь, сможешь затем меня выгнать, но не раньше, чем я закончу свой рассказ. Хорошо?

Амьен жестом показал, что он больше не думает о том, чтобы отсылать прочь своего друга, и что он простил ему убийство Улисса.

– Инструмент, который использовали для убийства, – начал Верро, – должен был быть изготовлен, подготовлен и принесён к месту преступления мужчиной, который поднялся на крышу омнибуса. Женщина не могла бы манипулировать ядом... да, вероятно, и не осмелилась бы. Рассмотрим, я тебя прошу, внимательно этот миниатюрный дротик. Он совершенно новый, явно не использовался по своему прямому назначению, и со стороны трудно представить себе что-либо более хитроумное и не способное вызвать подозрения. Он имеет форму булавки для шляпки, у него вполне невинный вид, и если его случайно увидят в руках плутовки, которая им пользовалась, никто не догадался бы об истинном назначении этой штуковины. Игла заканчивается шаром с одной стороны, чтобы её было удобно держать, не поранившись. Игла довольно коротка, чтобы её можно было легко спрятать в муфте, но достаточно длинна и довольно остра, чтобы пробить самую плотную одежду, но этого не потребовалось, ведь несчастная малышка носила прохудившееся от времени платье, от которого старая ткань её защищала не лучше, чем паутина. Одним словом, все было спланировано и подготовлено этим мужчиной, который должен быть изрядным злодеем. Ну а женщина взяла на себя исполнение его плана.

– Почему она? Неужели этот злодей настолько труслив, чтобы действовать самому, в одиночку!

– Нет, это не так. Просто он резонно посчитал, что женщина привлекла бы намного меньше внимания других путешественниц из омнибуса. Они вряд ли нашли бы естественным, если бы девушка позволила отдыхать своей голове на плече соседа, в то время как на плече соседки это было совсем просто и естественно.

– Этот незнакомец, следовательно, знал, как девушка осядет на плечо соседки после укола...

– Вполне, мой дорогой. Результаты действия кураре известны так же хорошо, как и мышьяка. Сто раз был испытан этот смертельный яд в лаборатории Коллеж де Франс. Пронзённое животное останавливается, наклоняется направо или налево, и падает, если никто его не поддержит. План месье с империала состоял в том, чтобы его сообщница в салоне омнибуса поддерживала мёртвую девушку до момента, когда подвернётся случай от нее безопасно освободиться. Невозможно было её просто оставить в салоне. Она упала бы со своего кресла, и последовала бы сцена, в которой убийца не хотела оказаться замешанной.

– Ты, значит, полагаешь, что мужчина вначале устроился в салоне только для того, чтобы занять место для своей сообщницы?

– Я не только так полагаю, но я в этом уверен. Был ли ты в омнибусе до него? Ты видел, как он вошёл?

– Я прибыл одним из первых. Девушка пришла почти сразу же за мной, и она села лицом к лицу передо мной, когда мужчина поднялся.

– И, разумеется, он пошёл и расположился прямо около её.

– Да, хотя были и другие свободные места. У меня даже возникла в этот момент мысль, что он её знал. Но вскоре я заметил, что они не разговаривали друг с другом.

– Так что теперь понятно, как этот негодяй действовал. Он подстерегал малышку на подступах к станции омнибусов. Его сообщница, которая получила его инструкции, держалась немного поодаль.

– Тогда они должны были знать, что эта девушка собиралась поехать на омнибусе?

– Вероятно. Откуда они это знали? Это – то, что я выясню позже, когда обнаружу этих негодяев.

– Значит ты надеешься их найти?

– Черт возьми! Я же тебе сказал, что обязательно их найду. Слушай дальше. Мужчина все это проделал лишь для того, чтобы его сообщница точно оказалась в этой поездке рядом с будущей жертвой. Мужчина предполагал, что этот последний рейс будет забит, свободных мест не будет. И его расчёт оказался верен. И тогда они сыграли комедию, сценку, в которой женщина чрезвычайно огорчена тем, что не может уехать, а галантный мужчина любезно предлагает уступить своё место. Могу предположить, что дама не сопротивлялась этому предложению.

– Она это сделала чисто формально и даже обменялась несколькими комплиментами с ним, после чего села в омнибус. Дама даже приняла его помощь, чтобы подняться по ступенькам, она схватилась за его руку своей маленькой ручкой... о мой бог! Она была в тонкой кожаной перчатке, и даже задержала его руку в своей немного больше, чем это *comme il faut*.

– Отлично! Я это зафиксировал.

– Ты хочешь сказать, что эта фамильярность доказывает, что они были знакомы? Мой Бог! Вполне вероятно.

– Это точно... практически несомненно, потому что они оставили омнибус почти одновременно, мужчина сошёл на Рю де ла Тур де Оверни, а женщина на улице Лаваль. Но продолжительное пожатие рук ещё доказывает и кое-что ещё, мой дорогой.

– Что?

– У мужчины на руках также были перчатки, не правда ли?

– Да. Толстые, подбитых мехом перчатки, кожей внутрь... которые должно быть были куплены в английском магазине. Я обратил внимание на эту деталь.

– Было от чего. Эти перчатки стоят дорого, а мужчина, как ты мне говорил, не выглядел богатым человеком.

– Но и не нищим. Этакий мелкий буржуа, унтер-офицер в отставке.

– Итак! Если у не самого богатого человека были такие толстые перчатки, то остаётся предположить, что это из-за боязни уколоться отравленной иглой.

– Как это?

– Он, несомненно, держал в руках булавку, и передал её даме, делая вид, что он влюблённо сжимает кончики её пальцев. Они оба знали, что малейшая царапина может быть смертельна, и они приняли меры предосторожности против несчастного случая.

– Тогда, если верить тебе, женщина в этот момент получила в свои руки от своего сообщника булавку... и она ею воспользовалась...

– Очень искусно, так как никто ничего не увидел. Дама ожидала случая, который ей представился на выезде с Нового моста. Омнибус подбросило на камне, и жертву бросило на её соседку напротив. Она этим воспользовалась, чтобы уколоть её кончиком своего инструмента. Дальше, и у меня нет больше ни тени сомнения в этом, она манипулировала уже мёртвым телом девушки.

– Да, – прошептал Амьен, – все эти факты, кажется, естественно связываются между собой. Думаю, вполне логично, что ты связал их в одну цепочку...

– Это не цепочка, это – доказательство.

– Тогда объясни мне, пожалуйста, почему эта ужасная женщина забыла в омнибусе эту отравленную булавку, которая может её выдать.

– Вполне можно предположить, что она не сделала этого нарочно. Булавка могла выскользнуть из её пальцев, несчастная девушка резко подскочила после того, как получила царапину или укол, убивший её только что, и убийца непроизвольно выронила иглу. Поначалу она опасалась сама уколоться, подбирая булавку в темноте, а потом уже опасалась обратить внимание на своё поведение, разыскивая на полу орудие убийства, кроме того не забывай, что в этом случае ей пришлось бы непременно выпустить из своих объятий жертву своего преступления, которая бы непременно упала. И когда настал момент уходить, ей уже не терпелось убежать, ведь, задумайся, какое страшное испытание даже для самого жестокого убийства несколько минут обнимать холодный труп... тест не для слабонервных... и она сбежала с места преступления, как говорится, без задних ног.

– Дама могла предусмотрительно подумать, между тем, что впоследствии это осязаемое доказательство её преступления будет обнаружено.

– Конечно! Но она надеялась, что служащий, ответственный за уборку омнибуса, сметёт этот предмет наружу вместе с остальным мусором. Что будет дальше её уже почти не беспокоило. Даму не волновало, что булавка может убить случайных людей, которые могли её подобрать, и у них могла возникнуть фатальная идея ею воспользоваться по назначению! Могла произойти целая цепочка смертей. Но злодеи такого масштаба смотрят на смерть человека другими глазами. Жизнь человека для них не имеет никакого значения.



– Факт, что эта женщина должна быть чудовищем, монстром: убить так бедного ребёнка, которого она даже не знала, это... злодейство... хладнокровная и бессмысленная жестокость.

– Как! – воскликнул Верро, – ты думаешь, что она её убила ради собственного удовольствия, убийство ради убийства... ради апробации своего красивого инструмента, так же, как некогда маркиза де Бренвилье, которая травила клошаров, просивших у нее милостыню, и которых она щедро одаряла отравленными пирожными, чтобы увидеть результат действия ядов, которые она собиралась использовать для своих врагов! Амьен, мой друг, ты зашёл чересчур далеко. Эти опыты вышли из моды, потому что они слишком опасны для производителей. Вспомни, чем закончила маркиза. Это создание прекрасно знало, что делало, играя булавкой со своей соседкой. Именно эту девушку она хотела убить, а не какую-нибудь другую.

– Но почему? Что ей сделала эта несчастная?

– Я не в состоянии пока ответить тебе на этот вопрос. Мне нужно время, чтобы все выяснить. Но, уверяю тебя, что я все выясню и дам тебе ответ на все вопросы. Сейчас же я могу лишь утверждать, что у любого преступления есть мотив. Это может быть желание избавиться в силу разных причин от жены, например, мести... ревность... жадность...

– Но это преступление, зачем его было совершать в омнибусе на глазах пятнадцати человек, вместо того...

– Вместо того, чтобы ожидать жертву на углу темной улицы, или убить её дома. Это кажется странным, на первый взгляд, и однако вполне объяснимо. Убийство на дому очень рискованно и его опасно совершить. Предположи, что эта женщина или её сообщник придут домой в квартиру малышки... консьерж или соседи могли бы это заметить. А ведь именно этого эта парочка хотела избежать. Или предположи, что напротив, бедняжка сама пришла бы к ним или к одному из них... и больше не вышла бы из их апартаментов. Это было бы ещё хуже для преступников. Как освободиться от трупа? Это – камень преткновения для всех убийц. Делать своё дело на улице было бы легче, при условии, что они не действовали бы среди бела дня. Но, вероятно, малышка выходила на улицу очень редко по вечерам. И при том нужно было, чтобы улица была пустынной, а жертва в одиночестве. Кто может нам доказать, что вчера вечером до станции омнибусов эту девушку не сопровождал кто-либо... подруга или друг, который её покинул только рядом со станцией? Тогда, без сомнения, преступная пара, которая за ними, возможно следовала, и которая безусловно её подстерегала, решила действовать прямо в омнибусе. Учитывая гениальное орудие убийства, которым они пользовались, ничего не могло быть проще. Трудность состояла лишь в том, чтобы быстро убраться из омнибуса, прежде чем заметят, что пассажирка умерла, и ты сам видел, как умело и успешно они это проделали. И только ты можешь найти их теперь в Париже! Ты узнал бы их при встрече?

– Я, возможно, опознал бы мужчину... хотя я видел его лишь мельком, а у женщины я заметил только её глаза через вуалетку...

– Этого недостаточно. Возможно, что ты слышал её голос?

– Да... звучный голос... немного низкий... с парижским акцентом, как мне показалось... впрочем, ничего особенного. Но, если я, как человек, который их хотя бы видел мельком, говорю тебе о том, что был бы не в состоянии их узнать при встрече... я хотел бы знать, как ты, кто их никогда не видел, можешь льстить себе, собираясь их опознать и схватить.

– О! У меня в наличии разработанная мной система. Я буду двигаться от известного к неизвестному, как математик. Когда я узнаю, как звали эту убитую девушку и кем она работала, я начну разыскивать людей, которых она посещала, и нужно быть полным идиотом, чтобы не обнаружить среди них тех, кто был заинтересован в её смерти.

– Ты забываешь, что мужчина и женщина из омнибуса ей были неизвестны, так как она к ним не обратилась с приветствием и не завела разговор во время поездки, следовательно, она с ними раньше не встречалась.

– Просто они действовали в интересах других людей.

– Это довольно рискованное предположение. И кроме того, твой план принципиально несостоятелен. Мы не знаем ни имени, ни адреса покойницы.

– Прошу прощения! Её выставили на всеобщее обозрение в Морге, и...

– Это доказывает лишь то, что при ней не нашли никакого указания на её личность.

– Никакого, это правда. Я справился у секретаря этого мрачного учреждения, и как раз собирался рассказать о моем разговоре с этим служащим, когда ты прервал меня, попрекнув, что я пугаю Пию. Он мне сказал, что у покойницы в карманах было только потёртое портмоне, которое содержало сумму в четырнадцать су и маленькая связка ключей, привязанных к стальному кольцу. На её белье не было никаких меток. Впрочем, как и визитной карточки, что не удивительно, но странно, что и даже ни малейшего клочка бумаги.

– Клочок бумаги! Ты заставляешь меня вспомнить, что я подобрал один вчера вечером в омнибусе.

– Ты нашел бумагу, и не сказал мне об этом?

– Клянусь, я забыл о ней.

– О чём ты думал тогда?

– Представь себе, о моей картине, которую мне необходимо закончить к Выставке, а тебе следовало бы подумать о твоей, то есть о той, что ты хочешь всем продемонстрировать всем уже не один год, и которую ты ещё даже не нанёс ни одного мазка.

– Оставь меня в покое... ты способен рассуждать только о своей профессии. А у меня есть страсть к познанию неизвестного. И я вижу, что мне решительно нечего делать с тобой.

– О! Совсем ничего!?

– Поэтому я буду действовать самостоятельно. Если ты мне поможешь, то сам того не зная и не желая этого. Итак, посмотрим, что получится из этого! Что ты сделал с этой бумагой? Ты её не сжёг, я надеюсь!

– Нет, но я мог её потерять.

– Да, ты на это способен. Скажи мне, наконец, куда ты её положил?

– Она должна была быть в кармане моего пальто, вместе с булавкой, которой ты отправил на тот свет моего кота. Бедный Улисс! – вздохнул художник, смотря на уже остывшее тело несчастного ангора.

Верро все ещё держал в руке эту грозную булавку, и Амьен с некоторым беспокойством наблюдал, как он ею жестикулировал во время их разговора.

– Я буду тебе страшно благодарен, если ты окажешь мне милость и положишь в какое-нибудь безопасное место это опасное средство уничтожения всего живого, – произнёс Амьен. – Ты уже имел бешеный успех у публики в моем лице, убив невинного зверя. Мне кажется, что на сегодня смертей достаточно.

– Не пугайся, мне известна опасная сила этого тонкого инструмента, – ответил бездарь-живописец, и сыщик в одном лице, который, между тем, и сам думал, что ему уже пора освободиться от смертельного оружия.

– И Верро его деликатно поместил на печь, и побежал к пальто, откуда он до этого извлёк смертельную булавку. Он погрузил свою руку в оттопыренный зияющий карман и вытащил изрядно помятую бумагу.

– Слава богу! Она была ещё там, – воскликнул он. – Это – действительно она, бумага из омнибуса, не правда ли?

– Полагаю, что да. Но я тебе признаюсь, что подобрал её вчера вечером, не рассматривая, и не сделал этого до сих пор.

– Ах! Ты и вправду можешь похвастаться тем, что не любознателен. Это неслыханно! Почему ты тогда подобрал эту бумагу, если не собирался на нее посмотреть?

– Вчера у меня было такое намерение, но в этот момент ты меня окликнул... я вошёл в кафе, и твои экстравагантные речи расстроили мой разум. Ладно, какое это имеет сейчас значение. Сейчас этот клочок в твоих руках, эта несчастная бумага. Скажи мне, что это такое.

– Это – письмо, мой дорогой, – произнёс с видом триумфатора неудачливый художник.

– Без конверта и, следовательно, без адреса, – обратил внимание на бумагу Амьен.

– Ничего страшного. Письмо должно мне рассказать о многом. Итак, взглянем на него... Ах! Чёрт! Оно разорвано почти посередине, вдоль листа. Это сильно затруднит чтение... но я обязательно разгадаю этот текст... и что хотят сказать нам майские жуки и птицы, которые отгиски которых украшает бумагу... это будет труднее, чем дополнить недостающий текст до конца строчек... но нас же двое, а один ум хорошо, а два, как говорится, лучше. Послушай: «Дорогая... следующее слово оторвано, значит было дорогая подруга, или: дорогая и какое-то уменьшительное имя. Жаль, что мы его не можем прочитать, но все равно неплохо, потому что мы узнали, что письмо адресовано женщине.

– Мужчиной, как мне кажется. Почерк характерно мужской.

– Да, он твёрдый, крупный и довольно нерегулярный. И это не коммерческая запись, а личное письмо. Хорошо, прочитаем продолжение.

«Наконец, мы здесь. Я уверен, что [оторвано] прибыла в прошлом месяце. Она поселилась на улице [оторвано] выходит редко, но ходит иногда вечером [оторвано] ещё не знаю, к кому, но [оторвано] возвратись к моему первому проекту, так как он больше [оторвано] не нужно, чтобы это тянулось. И ещё, доставь мне удовольствие [оторвано] наше соглашение. Хотим все закончить в течение [оторвано] ни одного слова никому, даже не [оторвано] обнаружили, что та опасается в доме...

«Итак, до завтра, моя хорошенькая З...»

– О! Имя дамы начинается с буквы З. Это – уже что-то. Есть от чего отталкиваться в нашем расследовании.

– А подпись? – спросил Амьен.

– Оторвана... отсутствует... не осталось и одной буковки, – ответил Верро, громко прочитавший письмо, нарочито долго останавливаясь после каждой купюры фразы.

– Чёрт возьми! Ты его так оптимистично анонсировал, этот обрывок бумаги, но это письмо абсолютно непонятно. Все, что стало нам известно в результате его изучения, так это лишь то, что покойницу звали Зели, или Зефирин, или Зеноби, или...

– Значит ты думаешь, что именно она потеряла эту бумагу?

– Боже мой, мне об этом ничего не известно! Но если не она, то кто?

– Несомненно, другая, та дама, которая уколола её булавкой. И хочешь я тебе скажу, какую службу сослужил этот фрагмент письма? Он потребовался для того, чтобы завернуть в него отравленную булавку. Это хорошо видно. Посмотри, как его смяли. Злодейка боялась уколоться, и она взяла этот кусок бумаги из предосторожности.

– Да, – прошептал Амьен, – у неё был весомый повод разорвать письмо. Но, как бы то ни было, невозможно понять, что было написано на этом клочке бумаги.

– Ты действительно так думаешь?

– Какие выводы ты можешь сделать из этих обрывочных фраз?

– Для меня смысл также ясен, как будто перед моими глазами абсолютно целое письмо.

– Тогда, я тебе буду чрезвычайно обязан, если ты меня посветишь в суть своих умозаключений, так как мне оно совершенно не понятно.

– Потому что ты не потрудился над ним поразмышлять. Между тем, тебе должно было броситься в глаза то, что письмо было написано мужчиной и адресовано женщине.

– Чьё уменьшительное имя начинается с буквы «З». Это не вызывает сомнения. Но затем? Что письмо имеет в виду, в чем его смысл?

– Отправить в мир иной бедную девушку, которая лежит в этот час на плите в Морге.

– Где, черт возьми, ты видишь указание на это?

– Да в каждой строчке. Я их для тебя продолжу, и ты тоже все поймёшь. Итак, начнём с первой строчки. Письмо начинается с этих слов: «Наконец, мы здесь!» Этим автор письма хочет сказать: наконец, момент, чтобы действовать, настал. Посмотрим дальше, – продолжил Верро, – «Я уверен, что она прибыла в прошлом месяце!» – Кто?... Несчастливая девушка, очевидно! Прибыла, заметь, написано в женском роде. И это очень хорошо согласуется с нашими оценками фактов. Девушка не француженка. Я её хорошо рассмотрел в Морге. Отнюдь не наше бледное солнце позолотило эту кожу.

– Это правда. У неё испанский тип лица.

– Давай допустим, если ты согласен, что она прибыла из Андалусии. Что она собиралась делать здесь, в холодном Париже? Автор письма это знал, без сомнения, и его первая забота состояла в том, чтобы выследить девушку. Он сначала констатировал, что его жертва выходила иногда по вечерам из дома... но к кому? Он этого ещё не знает, но ему достаточно того, что она куда-то ходит. У него есть план, и он хочет его быстрее реализовать. Этот проект, как мы о нём теперь знаем, назывался – укол булавки.

«Не нужно, чтобы это тянулось», написал этот изобретатель оперативных способов решения проблем. Этот разговорный язык вполне соответствует облику мужчины, которого ты мне описал, пассажиру с крыши омнибуса...»

«И он добавляет: «хотим все закончить в течении» Вот конец фразы, который ясно определяет его ситуацию. Он действует в интересах другого лица. Этот злодей всего лишь наёмный убийца. Хотим... кто это? Вероятно, человек, заинтересованный в смерти девушки и слишком осторожный, чтобы компрометировать себя, действуя лично.

– Да, – прошептал Амьен, – твои рассуждения неплохи, но ты не намного продвинулся в своём расследовании, так как все произошедшее для меня по-прежнему в тумане.

– Прости, но на второй строчке письма есть указание на место... которое довольно точно. «Она живёт»... она... это – разумеется, вновь прибывшая, наша покойница из Морга.. «она живёт на улице...»

– Итак! Название улицы в нашей части письма не упомянуто? И как ты надеешься его разгадать? Это было бы большой удачей, более сильной, чем все твои предыдущие успехи.

– Обратите внимание, мой дорогой друг, что там написано не «rue de...», а «rue des», то есть во множественном числе, то есть это говорит о том, что она живёт, например, не на улице каменщика, а на улице каменщиков, что существенно облегчит мои поиски. Сколько в Париже есть улиц «rue des»? Очень мало, не правда ли?

– Ты ошибаешься. Много. Если ты пожелаешь, я тебе процитирую по памяти целую дюжину rue des: улица Миндальных деревьев... улица Белых Кающихся грешников... улица Пивных бутылок... улица Четырёх Ветров... улица Двух экю... улица Плохих ребят...

– Достаточно! Достаточно! Так ты дойдёшь до того, что перескажешь мне от начала до конца «Альманаха» Боттана со всеми парижскими улицами, а ведь я предпочитаю обращаться к нему исключительно на досуге. Что бы ты не говорил, даже если таких улиц в Париже пятьдесят, я обойду и осмотрю их все. Я пойду от одной двери к следующей, и буду спрашивать, не исчезла ли из дома на их улице молодая девушка.

– И, возможно, удача тебе улыбнётся месяца через три или четыре, – тихо произнёс Амьен, пожимая плечами. – Было бы проще отправиться к комиссару полиции и вручить ему булавку и обрывок письма, чтобы он начал расследование и, используя средства, которыми он располагает, быстро обнаружил адрес жертвы.

– Отлично. Значит ты собираешься сопроводить меня к этому комиссару полиции.

– Я! Ах! Ну нет! Я тебе уже сказал, что у меня совершенно нет свободного времени.

– Как пожелаешь. Но я ничего не могу сделать без тебя... Я имею в виду-ничего официального. Если я представляюсь перед комиссаром, мне придётся ему сказать, откуда у меня появился обрывок письма, который я ему покажу... мне придётся также ему рассказать о смерти твоей кошки. Я уверен также, что он попросит показать ему труп Улисса. Будет сделана аутопсия бедного зверя.

– Никогда в жизни! Я этого не допущу- воскликнул Амьен. – Я не хочу, чтобы препарировали моего кота. Вполне достаточно того, что ты его убил.

– Следовательно, как я понимаю, у меня нет никакой необходимости навещать комиссара, чтобы ему рассказать эту историю, – нагло прокомментировал его слова Верро. – Цель оправдывает средства, мой дорогой. Если мы посвятим в это дело полицию, ты должен рассчитывать, что окажешься в её руках всерьёз и надолго.

– Это – как раз то, чего я не хочу.

– И это то, что несомненно и непременно настигнет тебя. Сейчас никто не верит в преступление. Только поэтому тебя оставили в покое. Но если будет констатировано отравление Улисса со схожими обстоятельствами, все моментально изменится. Будут проведены опыты с булавкой на других животных, принесут в жертву несколько собак и кроликов, врачи напишут длинные отчёты о последствиях воздействия яда кураре, и ни у кого больше не будет сомнений, что девушка из омнибуса была убита. Поднимут на ноги всех агентов полиции, тайных и явных... и, так как ты единственный человек, который видел убийцу и наблюдал за её действиями, а также и за её сообщником на крыше омнибуса, тебя попросят, без сомнения, сопровождать этих господ агентов в их экспедиции по обнаружению преступников... если их конечно удастся найти.

– О чём ты говоришь! Ты насмехаешься надо мной?

– Я, конечно, немного утрировал и перегрузил свою картину красками... темными мазками... но, не намного. Можешь быть уверен, что тебя будут вызывать каждый раз, когда полиция найдёт подозрительного человека или подозрительную женщину. И ты будешь опознавать всех подозрительных женщин и мужчин Парижа.

– Прелестная перспектива! Так придётся все дни проводить в префектуре полиции. Нет, нет! Делай все, что тебе заблагорассудится, лишь бы только мне не пришлось заниматься чем-либо другим, кроме моей картины.

– Тогда тебе не остаётся ничего другого, кроме как отдать мне булавку и разорванное письмо... и ты мне даёшь карт-бланш, не контролируя больше мои операции. Согласен?

– Скорее всего да, чем нет...! При условии, что ты меня будешь держать в курсе этого дела.

– Считаю, что я уже все это делаю. Я буду занят только охотой на этих негодяев, и поскольку я так или иначе вижу тебя каждый день, мне ничего не останется делать, кроме как рассказывать тебе о том, что я сделал накануне. Это соответствовало бы твоим желаниям, не правда ли? И мы обойдёмся без комиссара.

– Да и между тем...

– Что ещё?

– Я спрашиваю себя, имеем ли мы право хранить у нас эти предметы и все то, что мы знаем. Долг хорошего гражданина своей страны состоит в том, чтобы просветить юстицию, а ты хочешь запереть, как говорится, свет под ведром.

– Прошу прощения! Я как раз таки намерен посвятить юстицию во все нюансы этого дела... но... не сейчас... а когда настанет нужный момент... Ох уж эта юстиция!... Как говорится, когда я буду держать за горло эту преступную парочку... то тогда... о... да юстиция должна будет меня благодарить за то, что я за неё выполню почти всю работу, и судебный процесс против этих негодяев будет мною уже наполовину подготовлен, когда я их предоставлю в руки этой самой юстиции на блюдечке с голубой каёмочкой.

– В действительности... ты даже не поверишь... но я тобой восхищаюсь. На сколь... как ты уверен в своём таланте и способностях!... И, без сомнения, ты будешь действовать в одиночку...?

– Не совсем так. Я много, долго и самостоятельно занимался вопросами, находящимися в сфере профессиональных интересов юстиции, знакомился с трудами знаменитых сыщиков, и у меня есть все основания полагать, что я стану первоклассной полицейской ищейкой, но практика... мне её катастрофически не хватает. В начале расследования мне понадобится некий советник... инструктор, но не для проведения основного расследования, его я в состоянии завершить и сам, ведь моего инстинкта следователя вполне достаточно для этого, а лишь только для того, чтобы показать мне маленькие хитрости и уловки этой профессии. И такой человек у меня под рукой.

– Неужели... не может быть. Где же ты с ним познакомился? Я то думал, что ты сосредоточен исключительно на холсте к выставке!

– Мой Бог, да. Но совершенно случайно именно этого господина я стал очень часто встречать в одном кафе, где я размышлял о сюжете о будущего шедевра... но не этом квартале... и он мне предложил свою дружбу, потому что однажды вечером я сделал его портрет карандашом... и абсолютно точный. Он мне сказал, что полиция часто приглашает художников, чтобы сделать портрет предполагаемого преступника, и сделанный мной набросок очень хорош. Я почти уверен, что прежде он работал в полиции.

– Чёрт возьми! Тебе повезло завести прекрасное знакомство.

– Что ты хочешь от меня? Я не могу проводить все мои вечера в шикарных салонах предместья Сен-Жермен, как ты. Меня, почему-то, всегда забывают на них пригласить. Но если бы ты знал этого бравого Фурнье, ты понял бы, что мне нравится в его обществе. Он полон остроумия, злословия... и забавных анекдотов.

– Я в этом не сомневаюсь, но я тебя легко и непринуждённо хочу избавить от необходимости представить меня ему, и даже больше... прошу тебя даже не упоминать этой личности обо мне. И теперь, когда мы достигли соглашения по всем вопросам, доставь мне удовольствие и освободи меня от всего, что может мне напомнить об этой мрачной истории. Унеси с собой письмо, булавку... и даже тело бедного Улисса.

– А я не прошу тебя о большем, – ответил Верро, – и со своей стороны я тебя собираюсь освободить от обаяния своей персоны. У меня хватает и своих дел.

– Но... последняя рекомендация, – добавил Амьен. – Не говори никогда ни слова об этом деле в присутствии Пии. Она очень раздражительна и нервна, и я боюсь, что...

– Что потом она проболтается кому-нибудь. Не бойся. Я ей ничего не буду рассказывать. И если она у меня спросит, что стало с твоим котом, я ей отвечу, что он умер от паров мышьяка, полизав палитру с твоими волшебными красками.



## Часть III

У Поля Амьена были свои причины не продолжать чересчур долго разговор с Верро, который и не закончился бы никогда, если бы только Поль предпринял хоть малейшую попытку вникнуть в смелые и фантастические идеи этого горе-художника-сыщика.

Верро не просил для себя большего, кроме как желания привлечь его к охоте на преступников, о которой он уже давно мечтал, но у Поля Амьена было меньше воображения и больше здравого смысла, чем у его товарища. Сейчас он соглашался с тем, что девушка из омнибуса могла быть убита, а не умерла естественной смертью. Эксперимент, который стоил жизни Улиссу, стал для него решающим... и определяющим. Но он был далёк от мысли, что с помощью имевшихся у них на руках улики возможно обнаружить преступников, и Амьена не прельщала возможность сесть на судно, отправляющееся в плавание с неясным результатом, и которое нарушило бы его душевный покой и равновесие, в котором он так нуждался для своей основной работы.

Не будучи честолюбив, Амьен, тем не менее, имел твёрдое желание завоёвывать независимое положение в обществе, и он был на верном пути к этой цели. Он уже обладал той известностью, которая ведёт к доброму имени, реноме, а иногда даже к славе. В парижском обществе считалось, что он уже перерос определение «талантливый художник», и вскоре станет большим художником и, соответственно, станет зарабатывать большие деньги.

Поль должен был, впрочем, благодарить за свои успехи только самого себя. Единственный сын негодянта, который мог бы оставить ему большое наследство, Поль Амьен оказался в девятнадцать лет без поддержки родителей и без средств к существованию. Полностью разорённый одним из тех экономических кризисов, которые разрушают даже самые крепкие торговые дома, его отец умер от горя, оставив ему в наследство лишь доброе имя, так как он всем пожертвовал всеми своими средствами, пытаясь исполнить свои обязательства перед клиентами. Поль, потерявший свою мать при собственных родах, остался в этом мире совершенно одиноким, без единого близкого родственника, кроме троюродного кузена, который жил в провинции и внезапно помог ему, предоставив в его распоряжение сумму в тысячу франков, позволившую ему отправиться в поисках счастья за границу.

Поль Амьен, у которого не было никакого вкуса к профессии золотоискателя в Австралии, чувствовал в себе большую тягу к прекрасному, и решив стать художником, он использовал эту милостыню кузена для переезда в Рим, где задержался на пять лет, подрабатывая на жизнь в овощных лавках, чтобы было на что жить и, главным образом, учиться. Уехав из Парижа эвентуальным студентом, он вернулся художником... молодым, конечно, художником, но уже ценным среди коллег и, главное, публики, которая покупает картины.

Благосклонно к нему отнеслись и парижские критики и, возможно, удачным для Поля обстоятельством стало то, что признание и деньги пришли к нему одновременно.

Амьен, конечно же, намного больше дорожил славой, но никогда при этом не забывал, что в этом мире именно деньги дают свободу, и творчества в том числе, и потому пытался примирить в себе принципы художественной свободы и потребности публики, которая якобы разбиралась в искусстве.

– Когда я буду богат и независим, – говорил Поль сам себе, – я смогу целиком отдаться творчеству, которое я ставлю превыше всего. Состояние не является целью, но это – средство достижения этой цели.

И чтобы быстрее добиться независимости, к которой он так стремился, Поль Амьен думал иногда о том, что было бы неплохо жениться... и сделать это максимально эффективно.

У него было, разумеется, все то, что было нужно, дабы нравиться девушкам. Он был высок, тонок и хорошо сложен, черты его лица были немного неправильными, но у него была в целом выразительная и приветливая физиономия. Любезный и умный собеседник, без тени претензии на высокомерие, Поль обладал ещё многими другими превосходными качествами: доброе сердце, весёлый и открытый характер.

Можно было без труда предположить, что стремление примерить Поля в качестве жениха для завидных невест Парижа не проявляло невнимательность к нему. Уже два или три года, главным образом зимой, не проходило и дня без того, чтобы он не получил несколько интересных приглашений: балы и ужины, где Амьен был представлен девушкам, которых хотели выдать замуж. Поль охотно ходил на эти мероприятия, и играл там свою роль вполне достойно. Он проявил себя на этих смотринах самым положительным образом, и у него сложилась репутация завидного жениха, но до сих пор он ещё не нашел того, чего искал.

Амьен вбил себе в голову, что он женится только на девушке, которую полюбит, и он не хотел влюбиться сознательно, умом, а полюбить бессознательно, чувственно. И, тем не менее, претендентка все равно должна была обладать целым набором духовных и моральных качеств и, более того, она должна была обладать художественным вкусом, который бы вдохновлял его, как художника, и заставлял бы непременно и постоянно совершенствоваться.

На открытии нынешнего зимнего сезона Поль, однако, обратил серьёзное внимание на дочь господина, который был прежде в деловых связях с месье Амьеном-отцом, и стал радушно принимать сына своего бывшего партнёра, ровно с тех самых пор, как этот сын в перспективе собрался стать богатым и знаменитым.

И, конечно, мадемуазель Аврора Дюбуа заслуживала того, чтобы на нее обратили внимание. Для начала заметим, она была чудесно красива, также очаровательна, как и Пия, хотя походила на неё не более, чем день походит на ночь.

Пия была бледной и темноволосой, а мадемуазель Дюбуа была светловолосой и с нежной розовой кожей. Пия была невысокой, и её деликатные формы были ещё скорее обещающими, чем свершившимися, а мадемуазель Дюбуа была высокой, и, хотя ей было едва двадцать лет, её обильная красота уже завершила своё развитие.

Пия походила на деву Рафаэля... мадемуазель Дюбуа походила на фламандку кисти Рубенса.

И Поль Амьен, который любил мэтров всех стилей и направлений, всех школ и мастерских, в глубине души все-таки предпочитал итальянцев. Но, несмотря на это, Поль в последнее время был восхищён привлекательностью блестящей наследницы большого состояния, которая ему оказала честь, предоставив свою руку на множество туров танца с начала зимнего сезона.

Как мы говорили, мадемуазель Аврора была наследницей изрядного состояния. «Ворочая делами» – это общеупотребительное выражение для обозначения вида деятельности капиталиста, обогатившегося спекуляцией, месье Дюбуа нажил значительное состояние, почётно приобретённое, благодаря удаче, как говорили его друзья, и у него не было других детей, кроме мадемуазель Авроры. Её мать умерла, оставив ей двести тысяч франков, во владение которыми она должна была вступить, достигнув оговорённого в завещании срока-двадцати пяти лет.

Господин Дюбуа, владеющий тремя домами в Париже, имел не меньше семидесяти тысяч фунтов ренты, и должен был оставить после себя дочери ещё больше, так как он делал каждый год неплохие сбережения, хотя и жил на очень respectable ногу.

Его дочь любила светскую жизнь, и не только часто принимала гостей в своём доме, но и любила получать приглашения на светские салоны и балы в лучших домах Парижа. И когда Аврора у себя устраивала свои чудесные званые ужины, то всегда отправляла приглашения Полю Амьену, который их с удовольствием принимал, менее из любви к превосходной кухне, а более из предпочтения к красоте мадемуазель Авроры.

И Поль так часто бывал у неё этой зимой, что, не имея возможности в качестве ответного жеста пригласить их к себе, поскольку жил в холостяцкой квартире, уже давно искал случай сделать месье и мадемуазель Дюбуа то, что в обществе называется знаком вежливости.

Итак, во время последнего ужина мадемуазель Дюбуа, которая сидела за столом рядом с месье Амьеном, выразила желание увидеть Рыцарей тумана, драму, постановка которая была только что возобновлена в театре Порт-Сен-Мартен и пользовалась большим успехом.

И Поль Амьен, который знал, что даже самые богатые парижские буржуа не пренебрегут возможностью бесплатно сходить в театр, подумал сразу же о том, что следует снять ложу на это представление. Он проявил хладнокровие и воздержался от того, чтобы сразу же предложить мадемуазель Авроре сходить на спектакль, но искусно справился у нее о занятости в ближайшие вечера, и выяснив, что на послезавтра у нее не было ни одного приглашения на светские рауты, он тут же зарезервировал прекрасную ложу в хорошем месте театра, не оплачивая её сам, чтобы не задеть деликатные чувства месье Дюбуа, попросив это сделать одного своего друга журналиста, после чего отправил бесплатные билеты господину Дюбуа.

И сегодня вечером, в день смерти несчастного Улисса, в то время, когда Верро, его убийца, выходил с его телом из дома художника, Амьен получил милостивое уведомление от месье Дюбуа, который его благодарил за билеты, и просил настоятельно присоединиться к нему в ложе на представлении, куда он намеревался привести свою дочь.

Правда, в этот момент художник уже не был очень уж расположен получать удовольствие от пребывания в течении нескольких часов в прелестной компании мадемуазель Авроры, учитывая множество неприятных происшествий, приключившихся с ним в последние дни.

Трагедия в омнибусе его расстроила, а проекты Верро обеспокоили. Поль уже упрекал себя за то, что пообещал ему молчать об обнаруженной им в салоне омнибуса отравленной булавке, которую он должен был бы, как порядочный гражданин, вручить комиссару полиции вместе со своими объяснениями. Он начинал даже опасаться, что может быть рано или поздно

скомпрометирован некоторой нескромностью или неосторожностью поступков своего безрас- судного товарища.

Между тем, боясь прослыть невоспитанным грубияном, Амьен не мог уклониться от похода в театр, чтобы поприветствовать отца и дочь, которые выражали желание увидеть его на модной постановке.

И впрочем, это был превосходный случай заглушить захлестнувшую его сознание тоску.

Поль решил, следовательно, одеться в вечерний костюм, и к шести часам, как он обычно это делал в хорошую погоду, Амьен вышел на улицу, чтобы пешком отправиться на ужин на Большие бульвары, в один клуб, членом которого он был, но где его видели довольно редко.

Присутствующие в клубе клубмены, к счастью, не скучали, и их весёлое настроение вскоре разгладило сумрачные морщинки в уголках рта Поля, у которого, в сущности, не было причин для серьёзных печалей. Он оживлённо беседовал с сотрапезниками на темы, которые ему были интересны, и когда настал момент отправиться в театр, он уже полностью забыл все свои заботы. Поль больше не думал ни о чем, кроме как о мадемуазель Дюбуа, и готовился к тому, чтобы весь вечер любезно уделять ей все своё внимание.

Но так видно было предначертано ему его судьбой, чтобы случайная встреча напомнила ему о неприятном приключении накануне.

Подходя к ступенькам театра, Поль остановился на мгновение, чтобы докурить свою пре- восходную кубинскую сигару, коибу, которую ему доставляли прямо из Гаваны, и был немало удивлён тем, что внезапно услышал обращение к своей персоне в таких выражениях:

– Конечно, я не ошибаюсь. Это – действительно вы.

Персона, которая обращалась к Амьену, была крупной женщиной в платке, опоясанная лотком с апельсинами.

Амьен не узнал её поначалу, но она не предоставила ему времени на воспоминания.

– Вы меня не помните, – продолжила она охрипшим голосом. – А я то вас сразу признала. Это вы сидели лицом к лицу передо мной вчера вечером в омнибусе, следующем на винный Рынок.

– Ах! Да, теперь я вас припоминаю, – пробормотал изумлённый художник.

По обыкновению люди, которых случай вам даёт в качестве попутчиков в обществен- ном транспорте, не останавливаются, чтобы обратиться к вам с речью, когда они вас случайно встречают следующим днём на улице.

Очевидно, что это слухи, распространившиеся по городу, как морская волна, заставили торговку окликнуть Амьена у тротуара бульвара Сен-Мартен, и она, вероятно, хотела погово- рить о печальном событии, которое произошло в омнибусе во время пути на Монмартр.

И между тем, её не было в омнибусе, когда заметили, что девушка умерла. Каким образом тогда произошло, что толстуха была столь оперативно проинформирована о случившемся? Торговка, между тем, не замедлила объясниться.

– Скажите, – начала она, – что там за история приключилась в дороге? Это кто бы мог подумать? Я готова положить руку в огонь, что девица спала. Это должно было на вас произвести странное впечатление... положить себе на плечо голову покойницы... её голова на вашем плече.

– Как! Откуда вам это известно...

– Об этом мне рассказали в бюро на станции омнибусов на Пляс Пигаль этим утром. Я встречаю там каждый день карету оптовика, чтобы купить мои апельсины, и все контролёры станции меня знают и любят, потому что я им всегда подкидываю апельсинчик на завтрак... и когда они мне рассказали, что высокий смуглый мужчина помог вынести тело мёртвой девушки из омнибуса, я сразу же догадалась, что это могли быть только вы... Признаюсь, что это было не слишком умно с моей стороны, так как во время поездки не было другого такого мужчины, схожего с вами по этим приметам, так что догадаться было нетрудно.

– Это довольно необычно, что вы вспомнили моё лицо, – прошептал Амьен.

– О! Если я хоть раз увижу человека, я его не забуду никогда. Так что, например, господин, который сидел рядом с малышкой и уступил своё место... вы, возможно полагаете, что я не обратила на него внимания, ведь он сидел рядом со мной не больше пяти минут. Но нет, если я вновь повстречаю этого месье на своём пути, я не нуждаюсь в том, чтобы долго рассматривать его и сказать затем: «Да, это – он.»

– Если бы Верро был на моем месте, – сказал сам себе Амьен, – он бы непременно подружился с этой торговкой апельсинами, и ходил бы каждый день с ней по улицам в надежде использовать её феноменальную память на лица. Я не хочу делать то же самое, но мне любопытно было бы узнать, что толстуха думает о вчерашнем приключении.

И он произнёс вслух:

– Тогда вы узнаете также и даму, которая воспользовалась любезностью этого господина?

– Ах! А вот и нет. Она умудрилась не показать мне даже кончика своего носа. С вуалью, которые дамы нынче взяли моду носить, лицо ещё труднее рассмотреть, чем если бы оно было совсем закрыто тряпкой. Нужно запретить скрываться таким образом, потому что если предположить... что женщина совершила какой-нибудь ужасный поступок, например воровство или даже смертоубийство... и скрылась... её просто нельзя будет найти! Это мне напоминает о том, что если бы малышку убили в дороге до того времени как вы, а мне об этом сказал служащий компании, поместили её голову себе на плечо, то эту женщину невозможно найти. Хотя... ведь её не убили... на ней не было даже царапины, как мне сказали.

– Да... но эта смерть мне показалась столь необычной, что я...

– Это правда, что она не произвела много шума. Что вы хотите! В этом возрасте умирают легко.

– Тогда, вы не думаете, что её соседка...

– Дама, на чью мордашку никто не пялил глаза? Хорошо, пораскинем мозгами! Если бы она ей причинила зло, мы бы это увидели. И затем, это ещё не все. Врачи рассмотрели тело малышки, и ничего странного не нашли. И меня не удивляет... что эта девица так закончила свою жизнь. Её бледное лицо, как будто сделанное из папье-маше буквально рассказывало всем окружающим, что она была больна.

– Её лицо... вы его, значит, рассмотрели? А ведь на нём также была вуаль.

– Это правда, но ведь я вам ещё не рассказала, что ходила сегодня в Морг... я знала, что она должна была быть там... в поскольку продавала неподалёку апельсины, то и зашла ненароком посмотреть... а ведь мне пришлось даже постоять в очереди! Когда там выставляют утопленников, то это ужасно... это не красиво... эти утопленники, брр... в то время, как эта малышка была прекрасна, как день, и смерть её совсем не изменила... она, казалось, всего лишь спит. И я её признала, и очень быстро.

– Так вы её знали? – воскликнул Амьен.

– Я считаю, что знала! – сказала толстая торговка. – Ведь мне приходилось её встречать раз десять на рынке на площади Сен-Пьер, на Монмартре. Надо вам сказать, что я там тоже частенько торгую.

– Тогда вы знаете, кто она?

– А вот и нет, потому что я никогда не разговаривала с ней. Вы понимаете, что в моем возрасте не станешь сплетничать с молодёжью, особенно когда не знаешь, с кем имеешь дело. Но, что касается того, что я её видела раньше, то это да! И если бы я прожила на свете аж сто лет, я всё равно никогда бы не забыла её физиономию. У нее были черные глаза, которые сверкали, как два бриллианта... да так, что вам, наверное, захотелось бы об них зажечь свою сигару... и бархатистая кожа, как белый атлас... совершенно бесцветная... как будто у нее не было ни капли крови в жилах...

Амьена охватило волнение. Он не был, как его друг Верро, поклонником профессии следователя, но тайна омнибуса его волновала, как оказалось, намного больше, чем он сам себе в этом признавался, и Поль уже стал надеяться, что продавщица апельсинов его просветит относительно происшествия в омнибусе. Но справка, на которую он надеялся, не пришла.

И всё-таки Поль себе сказал, что из этой толстухи, пожалуй, ещё можно извлечь кое-какую полезную информацию, и продолжил:

– Но если девушка приходила часто на этот рынок на Монмартре, то это значит, что она жила в этом квартале.

– О! Это, конечно, – ответила сплетница.

– И тогда вполне возможно, что среди продавцов, которые отпускали ей съестное, найдутся такие, которые могли бы сказать, на какой улице и, даже, в каком доме она жила.

– Это вполне возможно, но лично меня, однако, это бы удивило. Они не должны были обратить внимание на нее, так как она ничего особенного и много у них не покупала. Яйца, овощи, салат. Она не расходовала больше тридцати су в день. И несмотря на это, вела себя, как маленькая принцесса, ходила по рынку с гордым видом. Она не разговаривала с продавцами, а лишь спрашивала их: «Сколько?» И когда она находила, что это было слишком дорого, она не торговалась, а просто поворачивалась и уходила прочь, не сказав ни слова.

– Между тем, она не была, по всей видимости, богатой?

– Богатой? О! Нет. Я всегда видела её в одной и той же протёртой до дыр карачо, в этой кофтенке-неглиже и таком же истлевшем от старости платье из чёрной шерсти.

– И она всегда была одна? – спросил Амьен, который, несмотря на то, что ему пора было идти в театр, продолжал расспросы, как его товарищ простак Верро.

– Всегда. Горничные, которые приходили на рынок со своими кавалерами, насмехались над нею, потому что у нее не было возлюбленного.

– Красивая и целомудренная... это редкость... и случается, главным образом тогда, когда у девушки нет ни состояния, ни родителей, и которая должна работать, чтобы заработать себе на жизнь. Смешно, право говоря.

– Родителей, я думаю, у неё действительно не было, но мне кажется, что работницей она тоже не была.

– Чем же она, как вы полагаете, могла заниматься?

– Она должна была давать уроки по двадцать пять су за занятие... больше почти никто не даёт за это.

– Тогда ей, должно быть, приходилось посещать многих людей, и возможно кто-то опознает её тело.

– Как знать! – ответила толстуха, пожимая плечами. – Не все ходят в Морг, а экспозиция с её телом продлится только три дня.

– Но вы то туда сходили, и вы, без сомнения, сказали секретарю обо всем том, о чем вы мне рассказали только что.

– Я! Ах! Нет... но ничего страшного. У меня совершенно нет времени. Мне нужно торговать, а не ходить по судам. Подумайте, у меня на шее мой муж, который не встаёт с постели уже четыре месяца, с ревматизмом, который он поймал, работая грузчиком на вокзале. Если я его не накормлю, то кто это сделает? И если бы мне пришлось рассказывать всё, что знаю, в морге, у меня на это ушло бы два дня, и на завтра я все равно была бы обязана снова идти к этому собаке... полицейскому комиссару, и по второму разу беседовать с ним о том же самом. Спасибо! И для чего? Я не знаю ни имени малышки, ни её адреса.

Амьен был вынужден признать, что торговка не ошибалась. Она действовала так же, как и он, предпочитая оставаться в стороне, хотя и много знала об этом зловещем приключении.

– Но это не значит, что если вы будете нуждаться во мне, я вам не помогу, – продолжила толстуха, – я всегда к вашим услугам... Извольте, всем в округе известна Вирджиния Пилу, живущая на углу улицы Мюллер, и вам стоит спросить только внизу у зеленщика, чтобы он вас проводит ко мне. Я вижу, что история этой бедной девушки вас заинтересовала, и я попытаюсь достать вам сведения о ней не позже, чем завтра утром... я расспрошу о ней во всем квартале. Но теперь, извините, мой принц, ведь в то время, что я болтаю с вами, я не продаю свои апельсины. Ведь вы их у меня не купите, не правда ли? Мой товар не для таких господ, как вы.

И оставив Амьена, торговка вновь начала кричать:

– По три су, прекрасные валенсианские апельсины! Только три су!

Поль счёл, что было бесполезно настаивать на продолжении разговора. Мамаша Пилу ему больше ничего не скажет по той простой причине, что больше ничего не знала. И впрочем, было самое время зайти в театр. Первый акт был уже сыгран, и Амьен старался успеть попасть в ложу до начала второго. В подобном случае поспешность – почти невежливость. Итак, антракт близился к концу, и Амьен находил приемлемым представиться в ложе господина Дюбуа прежде, чем занавес будет поднят.

Поэтому Поль последовал за зрителями, которые возвращались на свои места после выкуренной в антракте сигареты. Он назвал контролёру номер ложи, и медленно поднялся по лестнице, которая ведёт к коридору лож первого яруса.

Поль вышел из своего клуба в превосходном настроении, готов был всё увиденное воспринимать позитивно и провести прекрасный вечер в обществе красивой девушки и её отца. Но встреча с этой продавщицей апельсинов изменила расположение его духа. Она поставила Амьена лицом к лицу перед проблемами, которые прежде очаровывали только сыщика-любителя Верро, а его совершенно не привлекали. Казалось, что эта плачевная история с омнибусом будет настигать его везде, где бы он не появился. Поль хотел бы никогда больше об этом ничего не слышать, а ему все время эту историю напоминали, даже люди, которых он не знал.

И то, что его раздражало больше всего, состояло в том, что он и сам, несмотря ни на что, не мог отделаться от воспоминаний о произошедшем. Поль напрасно старался говорить себе, что смерть этой девушки его никак не касается, и что у рассуждений его дорогого товарища по поводу насильственной смерти девушки не было здравомыслия... все равно он невольно прислушивался к словам торговки, получал удовольствие от расспросов, которые он ей учинил, и сведения, которые она ему предоставляла без разбора, пронзали его любопытство.

– Решительно, это слишком глупо, – шептал он, заставляя себя смешаться с толпой, которая повторно вливалась в театр. – Я сам себе создаю все новые неприятности, когда мне вполне достаточно позволить себе просто жить, чтобы быть вполне счастливым. Я сумел сделать себе имя и заработать гораздо больше денег, чем мне необходимо для жизни. Меня везде с радостью принимают, во всех домах, и мне нужно дорожить возможностью удачно жениться, сочетаясь браком с девушкой, которая мне нравится. Что я выиграю от того, что буду разбираться в мрачных последствиях события, на котором я случайно присутствовал? Что хорошо для Верро, бездельника и экстравагантного типа, разыскивающего, убивая своё никчёмное время скрыва-



ющихся от правосудия преступников, вряд ли будет полезно мне. Я же в состоянии гораздо продуктивней использовать моё время. К черту продавщиц апельсинов и отравленные булавки! Этим вечером идёт речь лишь о том, чтобы нравиться этому восхитительному созданию, имя которому Аврора Дюбуа. Если только я получу от нее и её отца разрешение сделать её портрет для художественного салона будущего года, этот успех меня успокоил бы и я бы забыл навсегда о поисках мужчины и женщины, которые замыслили это сумрачное преступление.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.